

НОВГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО 1918–1956-х гг. В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Психология человека, оказавшегося свидетелем «минут роковых» мира, весьма поучительна и представляет для нас не только исторический интерес. В гигантской буре, поднятой революцией, он не хотел быть лишь песчинкой, подчиненной тем ветрам, которыми нельзя было управлять. Он сопротивлялся. Он стремился выстоять, выжить, победить. Вот почему его повседневное бытие, которое воспринималось им как нечто рутинное, прозаичное и заурядное, для позднейших поколений может выглядеть как трагический акт, исполненный высокого драматизма.

Документы тех дней дают уникальную возможность услышать, говоря словами О. Мандельштама, «шум времени», увидеть ушедшую эпоху в необычных сочетаниях ее различных характеристик. В ней есть все — и жестокость, и сентиментальность, и насилие, и увещевания, и бескомпромиссность, и признание чужой «правды», и ложь, и честность. Революция предстает перед нами как гигантская фреска, на которой ее участники, и известные нам, и укрытые пеленой времени, оставили свой неизгладимый след. Ее творили все — и те, кто боролся с ней, и те, кто ее одобрял, и те, кто боялись, и те, кто в смутную пору стремился выйти на авансцену истории. Ее ждали, ее проклинали, ее стремились понять.

Документы ГАНИНО разнообразны. Они созданы и очевидцами событий, и теми, кто записывал с чужих слов. В них отразились и реальные происшествия и слухи, они искажены пристрастностью свидетелей и неизбежно отражают их кругозор, уровень их грамотности, их язык и логику. Их наблюдения мозаичны и фрагментарны. Многие им рассмотреть не удалось, отчасти и в силу самоцензуры и страха тех, с кем они сталкивались и о ком сообщали в своих письмах и докладах. Многие они не разглядели, оценив меркантильность как идейную убежденность, приписывая мнение одного всем, принимая изъясле-

ния лояльности за чистую монету и не обратив внимания на то, сколь часто маскировались в то время, ссылаясь на «темноту» и тем оберегая себя и своих близких от подозрений и репрессий.

Наиболее достоверными являются те документы, в которых слышится прямое, не опосредованное «общими впечатлениями» информаторов, слово людей пореволюционного времени. Прежде всего это стенограммы беспартийных конференций крестьян.⁵⁵³ Получив возможность хоть раз высказаться, не оглядываясь на чекистов и особенно местных чиновников, чье самоуправство в новгородской глубинке стало притчей во языцех, они и говорили намного свободнее, чем на сельских сходах или собраниях бедноты. Протоколисту порой трудно было поспеть за ними и грамотно передать их нередко сумбурную речь, но для историка это скорее достоинство, чем недостаток. Да, в таких выступлениях зачастую «проглатываются» слова и целые фразы, они не последовательны и не совсем логичны, в них постоянно ощущаешь обрывы — но они предельно искренни и естественны. Не так обычно вел себя бедняк, оказавшийся на собрании среди односельчан, когда, зайдя в избу, обнаруживал здесь и своих заимодавцев — «благодетелей» и «справных», зажиточных мужиков. Робко, чуть ли не кланяясь, озираясь по сторонам, заискивающе сняв шапку, садится он на скамью — где уж тут говорить о раскованном слове. Читая стенограммы беспартийных конференций, мы, что очень важно, получаем возможность услышать здесь диалог, спор, в которых ярко раскрываются аргументы различных сторон. Можно выяснить при этом и умелость и находчивость каждого из оппонентов в отстаивании своих взглядов, присущие им коды мышления, типичные и наиболее убедительные для них доводы.

Таким же прямым, первичным и потому ценным источником для изучения общественных настроений являются письма, заявления, жалобы и доносы⁵⁵⁴ — в том числе и тех, кто ради

⁵⁵³ Наиболее яркий из них — протокол беспартийной конференции Старорусского уезда 7-8 ноября 1920 г. (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 435).

⁵⁵⁴ См.: Письмо артиста А. Гуманова в Демянский уездный комитет РКП(б) 17 января 1923 г.: ГАНИНО. Ф. 91. Оп. 473. Л. 57—58 об.; письмо начальника Демянской пожарной дружины К. Е. Иванова в Демянский уездный комитет РКП(б) 20 января 1923 г.; Заявление исключенного из РКП(б) с. Трушина Демянскому уездному комитету РКП(б). 20 ноября 1919 г.: Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 113. Л. 46, 46 об., 47; Заявление председателя Молвогицкого волостного продовольственного отдела Е. А. Громова. Ноябрь 1919 г.: Там же. Л. 54, 54 об.; Заявление члена РКП(б) Д. Евлампиева. Ноябрь, 1919 г.: Там же. Д. 95. Л. 29.

безопасности скрылся за подписями: «Верно преданный» и «Н. Н.».⁵⁵⁵ В первую очередь это важное свидетельство о тех изменениях, которые претерпевал в годы революции повседневный язык людей. Коллективные «одобрительные» резолюции, за которые сотни раз голосовали в то время, мало что скажут нам о нем. Составленные привычными к этому делу агитаторами, они поднимали не очень складную и невнятную речь, звучащую на деревенских сходах, до высот чуждой им интеллигентской лексики. К живому слову крестьян здесь трудно было прорваться через частокोल расхожих клише, понять которые зачастую можно было, только обратившись к газетам, а не к людям. Но и знакомясь с характерными образцами «эпистолярного» низового творчества, необходимо преодолеть искушение что-то подправить в них, сделать их доступнее, облегчить их чтение. Заниматься этим бесполезно не только ввиду строгости археографических правил издания документов: едва изменишь или «облагородишь» тут хотя бы одну фразу, как рухнет вся синтаксическая конструкция и смысл предложения станет еще более неясным. Единственно возможное средство — воспринимать текст так, как он написан: неуклюжим и трудно читаемым, бессвязным и недоговоренным, но зато четче передающим своеобразие личности его автора.

Большой пласт документов «личного происхождения» составляют заявления как о приеме в партию, так и о выходе из ее рядов. И те и другие весьма примечательны. Заявления о приеме в члены РКП(б) показывают нам не только заорганизованность самой этой акции.⁵⁵⁶ Показательна и штампованность письменного языка новых коммунистов, очевидно несвойственная их устной повседневной речи, яркие образцы которой можно найти, например, в их же не санкционированных верхами заявлениях. Мы видим, как под одинаковыми по содержанию текстами ставятся подписи различных людей, как кратка и стандартна мотивация их авторов. Но иногда мы обнаруживаем тут и другое — попытку выразить, пусть зача-

⁵⁵⁵ Письмо неустановленного лица в Новгородский губком РКП(б). Июль, 1920 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. Л. 142, 142 об.; письмо неустановленного лица в комиссию по чистке партии при Маловишерском уездном комитете РКП(б). Не позднее 15 сентября 1921 г.: Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 167–170.

⁵⁵⁶ Заявление Трунина в Крестецкий уездный комитет РКП(б). 10 сентября 1918 г.: Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 41; Заявление В. Е. Петрова. Не позднее 28 октября 1918 г.: Там же. Л. 55.

стю и неуклюжими, клишеобразными фразами свои надежды и чаяния, осознать свое место в бурном потоке все разрушающего времени, сказать о том, что волновало и привлекало людей. Иное дело — заявления о выходе из РКП(б).⁵⁵⁷ Здесь нет унификации, здесь каждый нарочито горестно, чаще всего не очень ясно, но иногда и весьма литературно, объясняет свой «путь назад», из светлого будущего в неуютное настоящее. Объясняет обязательно в сопровождении оговорок о неизменности лояльных к власти мыслей и чувств, которые не могут покинуть человека даже и тогда, когда он совершает не очень лояльные поступки. Политические вкрапления в их текстах становятся привычным элементом оправдания: можно в конце длинного заявления обнаружить звучные коммунистические лозунги, а в самих текстах — ссылки на свою политическую бдительность, необходимую для защиты Советской власти в деревне; писалось это для того, чтобы уклониться от мобилизации и не защищать эту власть на фронте.

Встречая в таком контексте политические формулы, часто задаешь вопрос о том, насколько искренне они передают помыслы тех, кто их приводит. «Корысть» и «идея», однако, зачастую были неразрывно связаны в мышлении современников революционной эпохи. Откликаясь на советскую пропаганду и ежедневно пропитываясь ею, бедняк мог быть убежден в том, что лишь ему должно принадлежать почетное место в деревне и полагаться всяческие блага и льготы, а рабочий — в том, что только он, а не «буржуй», достоин хорошего пайка. Почему бы тогда не попросить и не потребовать для себя лучшую землю или лучший паек, когда жизнь, трудная и бедная, становится еще тяжелее и иначе, как ссылкой на свою особую «пролетарскую» сословность и не получить то, что необходимо для выживания.

Специфическим и весьма сложным источником для изучения массовой психологии послереволюционных лет являются политические сводки различных структур⁵⁵⁸ — партийных, комсомольских, государственных, вплоть до органов ВЧК-ОГПУ. Информаторы не всегда все видели и не обо всем слышали, а за-

⁵⁵⁷ Заявление М. Емельянова. ноябрь 1919 г.: Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 13, 13 об.; Заявление Л. Петрова. 15 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 24.

⁵⁵⁸ Информационная сводка НГО ОГПУ с 1 по 15 февраля 1924 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1992. Л. 18–20; Письмо НГО ОГПУ Новгородскому губкому РКП(б). 22 февраля 1924 г.: Там же. Л. 5, 5 об., 6.

частую передавали и непроверенные слухи, которые, правда тоже ценны для нас, поскольку отражают характерные тенденции в умонастроениях масс. Не очень то охотно и открывались перед ними люди, опасавшиеся репрессий за неосторожно сказанное слово, а изъясляемая другими «благонадежность» могла быть и сомнительной — в силу тех же причин. Можно предположить, что сведения, которые получал из вторых или даже третьих рук осведомитель, не были свободны от искажений и приукрашивания. Это происходило не случайно, поскольку такие сведения могли оцениваться и как результат плохой работы тех, кто их предоставлял. Иной раз и сам агитатор или инструктор преувеличивали отклики на проделанную ими на местах работу, иной раз о деятельности лиц и институций они делали выводы на основании только количественных показателей о проведении митингов и собраний и наличия делопроизводственной документации в канцеляриях.

Трудность в работе с политико-психологическими источниками по истории раннего советского общества возникает еще и потому, что многие из них, будучи созданными по определенной схематичной форме, являются краткими и фрагментарными, и, вследствие этого, невнятными либо допускающими несколько толкований. Особенно это касается протоколов заседаний низовых (а нередко и волостных, и уездных) партийных собраний и комитетов, материалов проверочных комиссий, рассматривавших апелляции коммунистов.⁵⁵⁹ Прения здесь фиксируются крайне редко и очень скудно, отмечаются лишь факт, событие, неясно происхождение и подробное содержание тех или иных оценок, которые даются поступкам членов РКП(б). Те формулировки, которые при этом используют разные должностные лица, нельзя понять без знания норм политического языка эпохи, в котором, например, слово «погромный» означало отнюдь не призыв к истреблению кого-либо, а просто указывало на оппозиционность выступления, а слово «мародер» применялось к тем, кто не хотел даром отдавать свой хлеб.

Наибольшей осторожности требуют постановления и резолюции крестьянских и рабочих конференций, собраний

⁵⁵⁹ Протокол заседания Новгородской губернской контрольной комиссии. 23 июня 1925 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2783. Л. 20–21; Протокол заседания партколлегии Новгородской губернской контрольной комиссии. 25 июля 1925 г.: Там же. Л. 55–56.

и митингов, особенно если мы лишены возможности ознакомиться с теми репликами, замечаниями и спорами, которые могли предшествовать их одобрению. В прошлом они занимали видное место во многих опубликованных документальных сборниках по истории СССР. И это казалось оправданным, поскольку такого же массового источника, где отражались бы взгляды людей, не было, а другие виды документов в силу разнообразных причин, в том числе и цензурных, и идеологических, не могли быть представлены сколько-нибудь полно. Действительно, резолюции и постановления принимались самими участниками собраний и митингов, но при этом надо учитывать несколько обстоятельств. Следует в первую очередь обратить внимание на авторство постановлений. Нередко один и тот же его текст передавался, с незначительными изменениями, на разные волостные и уездные сходы, где, как правило, единогласно принимался присутствовавшими. Обычно никто из них в выработке его участия не принимал, а само голосование могло иметь такой итог не только вследствие единой позиции рабочих и крестьян. Здесь сказывались и их апатия к политике (резко диссонировавшая с их интересом к хозяйственно-бытовым вопросам), и их боязнь ответных репрессий в тех случаях, когда в их выступлениях усматривали антисоветский оттенок.

Каким же предстанет перед нами новгородское общество в первые годы Советской власти? Революция не всегда и не везде еще сказала на нем. Нет, это не вековая тишина «русской глубинки», но сколь часто встречаем мы тогда пока не тронутые бурным временем ритуалы и обычаи уходящей эпохи. Это заметно в всем — в речи и письме людей, в их оправданиях и требованиях, в их симпатиях и антипатиях. Многие еще только настороженно присматриваются к непривычным для себя новым людям и новому языку, пытаются, хотя и порой безуспешно, понять их, встать вровень с веком, «вжиться» в него. Объяснять это лишь искренним принятием революции крайне трудно. Одного взгляда на документы достаточно, чтобы увидеть, как запугано было общество, как вынуждали его принимать «советские» обычаи и нравы. Это страх зачастую принимает трагикомические формы: секретарь собрания боится, что его арестуют,

если он поставит свою подпись на протоколе собрания. Этот страх пропитывает всех — малолетняя девочка, увидев на пороге дома незнакомых людей и приняв их за тех, кто взysкивает недоимки, кричит: «Мама, не давай дяде самовар».⁵⁶⁰

Заметим, что «выбивание» продразверстки и продналога являлось поучительной школой для новгородской деревни, расстроенной революцией и почувствовавшей на какой-то миг себя свободной — школой, где вырабатывались навыки послушания и конформизма. Один из крестьян, внося налог, плакал при всех — но платил.⁵⁶¹ И это не случайно. Расправа с теми, кто сопротивлялся, была короткой и суровой. Провинциальные чиновничьи нравы, хорошо знакомые по гоголевским персонажам, в Новгородской губернии как-то гармонично сочетались с новым «революционным сознанием». Не гнушались ничем — ни расстрелами, ни арестами, ни взятием заложников; продотрядники пороли нагайкой даже беременную женщину, не успевшую вовремя сдать хлеб по разверстке. Поэтому и боялись все — и беспартийные, и коммунисты: некоторые заявления о выходе из партии можно было смело, после незначительной правки, использовать эффективно как коммунистические листовки — столь пафосен и «правилен» был язык тех, кто, даже уходя из РКП(б), с надрывом уверял, что он «свой».

Всеобщая нищета, нагрянувшая в лихолетье гражданской войны, помешала многим оценить революцию так, как она виделась ее творцам. Что могли сказать о достижениях революции люди, у которых на всю семью имелись одни валенки, которые питались мхом и требовали от властей, чтобы они заставили мельников молоть хлеб вместе с тем, что и суррогатом-то назвать стыдно — невзирая на уверения последних, что от этого портятся мельничные жернова. Да, получили крестьяне землю и благодарили за это коммунистов — но и земли оказалось не очень много и цена за это казалась непомерно высокой. Да, соглашались крестьяне с тем, что «советские» налоги меньше «царских» — но ведь и время другое, намного более голодное, а потому и налоги, сколь бы они не сократились по сравнению с прошлым, воспринимались как непосильные. В этой рутине повседневного прозябания у мно-

⁵⁶⁰ Сводка материалов Новгородского губкома РКП(б) о положении в губернии. Не ранее 1 июля 1925 г.: Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 324. Л. 114–121.

⁵⁶¹ Информационное письмо № 4 Новгородского губкома РКП(б). 1 июля 1925 г.: Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 325. Л. 56 об., 57.

гих не было ни времени, ни желания утешиться теми выгодами и приобретениями, о которых без усталости говорили агитаторы, как «свои», так и приезжие. Главным было выжить, и революционное время здесь мало отличалось от любого другого времени. Главным было плохое «настоящее», а оно всегда, в силу того, что «довлеет дневи злоба его», оценивалось и будет оцениваться все же более драматично, жестко и раздраженно, чем плохое «прошлое».

Послереволюционная эпоха являлась временем всеобщей смены вех, нравственных, общественных и экономических приоритетов и ценностей. Все смешалось в это судьбоносные для России годы: пороли крестьян и говорили о красоте будущего мира, писали доносы и высмеивали ретивость и «административный восторг» волостных и уездных начальников, мечтали о справедливости и насаждали винтовкой новую «бедняцкую» или «пролетарскую» сословность. Иной человек терялся в этой катастрофической духовной смуте и, как мог, противостоял ей — участвуя в восстаниях, оказываясь в рядах белой армии и уходя в эмиграцию. Другие, живя в мире разрушающихся традиций, не боролись с ним, но нарочито предпочитали ему консервативный порядок устоявшихся норм. Третьи стремились понять революцию, найти в ней не только отрицание, но и созидание, не всегда угрозу, но нередко и выгоду, не одну лишь ложь, но и часть правды. Но сколь бы ни выглядела пугающей, жестокой и неудобной революция для многих новгородцев 1917—1920-х годов — и они были причастны к ней, и в их мышлении, в их действиях, в присущих им кодах поведения было нечто такое, что могло питать обрушившуюся на страну бурю. Винаваты все — говорил о современниках Французской революции Жозеф де Местр, и то же мы можем сказать и о современниках революции русской.

Основой «революционности» в большинстве случаев являлась тяга к справедливости. Ужасающие голод и нищета в это время только обострили ее — многие считали, что справедливость необходимо было восстановить, несмотря ни на что и не останавливаясь ни перед какими средствами. Часто в деревне проклинали комбедовский, бедняцкий произвол — но причиной его сельские люмпены считали нарушение общинных традиций взаимоподдержки, то, что зажиточные, столкнувшись с невиданной прежде хозяйственной разрухой, отказывались по-

могать, как это было ранее, беднякам. Чувство справедливости вызывало и бдительную слезку за теми, кто смог, пользуясь связями или служебным положением, урвать себе кусок по-крупнее и тем самым обойти других — но ведь так и выстраивалась тотальная система контроля всех над всеми, что являлось одной из опор нового политического порядка. Консерваторы по своей природе, те, кто выступал за соблюдение «общественных договоров», заключенных в прошлом, в силу неизбежного для революции хода вещей оказывались, таким образом, экстремистами и бунтарями.

Изучая массовые политические настроения этих лет, мы, как ни удивительно, найдем весьма мало собственно общих оценок Советской власти, ее целей и теоретических обоснований. Говорилось чаще не о Советской власти, как таковой, а о лицах, ее представлявших — может быть это и позволяло их критике быть более резкой, чем в тех случаях, когда речь шла о политическом строе в целом. Не всегда можно узнать, являлось ли это средством перестраховки, защиты себя от обвинений в контрреволюции, наподобие частых ссылок на свою «темноту». Не исключено, что новгородцы действительно искренне отделяли власть от тех, кто выступал от ее имени и протестовали против искажения политики «правильной» власти «неправильными» действиями ее проводников и исполнителей — но как не увидеть в этом почти зеркальное отражение прежних представлений о хорошем царе и плохих слугах. Перечень грехов местных чиновников в восприятии низов был весьма обширен — здесь и кумовство, и взяточничество, чванство, окрик, обман, насилие, несправедливость, нечестность. Приведенные в сборнике документы показывают, что подобные обвинения не являлись лишь плодом злонамеренной агитации классовых врагов, как на это охотнее всего указывали в то время, а имели очень веские причины. Не следует, конечно, представлять всех новгородских чиновников собранием монстров, а в их поступках усматривать только корысть, подлость или другие пороки. Неприемлемые в рамках сегодняшних этических норм их действия являлись нередко закономерным следствием тех условий, в которых они вынуждены были работать и тех директив верхов, которые они обязаны были претворять в жизнь. Все это было, разумеется, обрاملено фразами о классовой этике и нравственном кодексе коммунистов, но в слове

и деле последних можно зачастую было обнаружить влияние и реликтов прежних моральных правил. Мы встречаем здесь и призывы к помощи бедным, и протесты против угнетения слабых, и обличение несправедливо нажитых богатств. «Новая» мораль насаждалась не столько по рецептам Программы РКП(б), сколько исходя из кругозора, обычаев, привычек и стереотипов тех, кто ближе всего стоял к массам и кто по своему, хотя и учитывая идеологические импульсы, распоряжался тем, как строить справедливое общество. Эти люди нередко не столь были отличны от тех, кого они пытались наставлять и кем они руководили. Они, даже призывая к коренной ломке быта, не могли игнорировать прошлые традиции; правда, следуя им, они, естественно, придавали им не «мещанский», но гражданский смысл. Едва ли только с Программой РКП(б) сверялся председатель губернской контрольной комиссии, упрекая коммуниста-многоженца в неблаговидном поведении и требуя от него обеспечения брошенных им детей. Строители «прекрасного нового мира» являли собой плоть от плоти мира старого. По тем законам, которые они устанавливали, они должны были жить и сами и не потому ли в новом «общественном договоре», достигнутом после Октября 1917 г., революционные иллюзии умерялись нормами обычных повседневных практик, характерных для консервативного общества.

Люди потому и свыклись со своим новым положением, что первоначально «буря и натиск», попытки разрушить все и вся вскоре сменились (в силу присущих властям инстинкта самосохранения в условиях войны, разрухи и социального брожения) прежней схемой приемлемого для них существования. Да, идеологическое оформление новой цивилизации было другим — но так ли это затрагивало хлебоборода, не умевшего связать двух слов, о чем красноречиво свидетельствуют заявления о выходе из партии. Да, уровень благосостояния города и деревни не всегда был соизмерим с довоенным — но ведь нищета не пришла в одночасье. Живя в ней годами, к ней притерпелись, и она стала специфическим атрибутом цивилизации, в которой точкой отсчета был не 1913, а 1921 год. Да, были попытки перевернуть социальный базис власти, сделать бедняка ее опорой. Но разве были у новой власти средства, достаточные для того, чтобы помочь всем им и разве не приходилось тем же беднякам по-старинке кланяться кулакам и

униженно просить их о поддержке — в том числе и тогда, когда сборщики советских налогов, не обращая внимания на коммунистические постулаты, буквально отбирали у задолжавших бедняков последние из их скудных пожитков. Положение же деревни было таково, что стоило лишь чуть сильнее нажать на неплательщиков, лишь чуть расширить число налогов, лишь чуть увеличить их размер, как разговоры о том, что при царе жилось лучше, становились повсеместными.

Споры о том, плохо или хорошо стало при большевиках, не смолкали в эти годы. Но надо было жить. Надо было растить детей, заботиться о близких, думать о хлебе насущном. Иного выбора не было! Спорить с силой и бороться с ней в одиночку — на это способны были немногие. Люди по разному приспособлялись к новой жизни. Кому-то это удавалось, кто-то пытался себя уверить в том, что ему живется лучше, кому-то ничего не удавалось, но он не терял надежды со временем поправить свои дела. По документам, сохранившимся в ГАНИ-НО, мы видим, как менялся язык масс, как он пропитывался «советскими» клише, как не очень умело люди применяли их, вкрапляя в повседневную и чуждую этим клише речь. Чем чаще употребляли такой словарь, тем ближе и понятнее становились элементы коммунистической догматики, тем быстрее воспринимали язык власти, тем отчетливее и осознаннее его использовали для достижения своих целей. Одновременно с этим приходило и более отчетливое понимание того, что можно и что нельзя делать — и эта самоцензура оказывалась более действенным инструментом порядка, чем обычные угрозы, которыми, конечно, нельзя было прочно удержать в подчинении десятки тысяч людей. Начало строится здание, в возведении которого участвовали все — и управляющие и управляемые. Там, где не замечало враждебного поступка око власти — там помогали ей рядовые граждане, одергивавшие нарушителей порядка доносками и открытыми обличениями. Делали они это по разным мотивам — чувствуя себя ущемленными другими, желая выслужиться, сводя личные счеы или испытывая зависть к более удачливым. Это было куда эффективнее простого насилия или убеждающего призыва агитатора — дисциплинируя других, каждый тем самым дисциплинировал и себя.

Когда изучаешь документы 1920–1930-х гг., возникает ощущение какой-то всеобщей, непрерывной критики политических, государственных и общественных институтов. Клеймят всех – «врагов народа» и чиновников, кулаков и «лодырей»-бедняков, «бывших» и людей из низов. Обличения соседствуют с самокритичными высказываниями обличаемых, которые, правда, могут быстро поменяться ролями с обвинителями и стать еще более суровыми критиками всевозможных «недостатков».

Этот «негативный» оттенок, присущий ряду источников, необходимо признать неизбежностью, а не следствием тенденциозных манипуляций с текстом. Целью авторов многих документов является не сухой и беспристрастный отчет о состоянии дел, а попытка поправить в «лучшую» сторону эти дела – поэтому любые отклонения, недостатки отмечались в первую очередь. Сбор сведений в это время зачастую являлся не окостеневшим и монотонным ритуалом, не отпиской бюрократов в партийных и советских канцеляриях, но акцией, в которой участвовали увлеченно, пристрастно, корыстно. Создавая оправдательные объяснения, люди не просто обеляли себя, но и очерняли других – здесь сугубая осторожность историков, использующих эти источники для воссоздания живой ткани эпохи, оправдана вдвойне.

Содержащиеся в документах сведения собирали довольно хаотично, нередко довольствуясь и передачей слухов, и сообщениями, почерпнутыми из перлюстрированных писем и не подтвержденных фактами, наконец доносами. Сведения собирались людьми, которые порой плохо разбирались в том, что является политикой, а что нет. Но в этом, пожалуй, и особая ценность документов. Они отмечают все – и важное, и не очень важное, позволяя самому историку детальнее анализировать полученные им материалы, а не быть заложником чужих интерпретаций.

Подчеркнем еще одно немаловажное обстоятельство. Сведения о положении в губернии, о настроениях масс, о любых значительных (и даже не очень значительных) событиях и просто инцидентах интенсивнее всего собирались именно во время опасных для власти кризисов, когда ожидали волнений и даже восстаний, когда становились опасными даже аполитичные граждане. Борьба с оппозицией, разрыв англо-

советских дипломатических отношений, казавшийся преддверием будущей войны, паника, возникшая в связи с этим, массовое припрятывание товаров и, как следствие, срыв хлебозаготовок — все это требовало особого пристального внимания властей и потому машина сбора информации заработала как раз тогда с невиданной прежде силой.⁵⁶²

Документы 1920-1930-х гг. имеют весьма специфичные риторические наслоения, обусловленные идеологическим языком эпохи. Их авторы, к тому же, тенденциозны даже и там, где, казалось, речь идет только о протоколировании чужих реплик. Нередко информатор считал нужным словом или целой фразой вывить и свое отношение к событиям, причем делал это хотя и ярко, но плакатно. Эта полемичность, однако, зачастую снижает ценность источника. Превращенный в «агитку», текст создается в соответствии с особым жанром памфлета, где значение имеет не кропотливое сверение всех «за» и «против» при рассмотрении той или иной проблемы, а выделение лишь «выигрышных» моментов, позволявших эффективнее обличить оппонента.

Не все периоды истории Новгородской земли освещены в документах равноценно и с исчерпывающей полнотой. Так, к сожалению, в архиве сохранилось мало материалов, показывающих отношение разных слоев населения, в первую очередь крестьян, к коллективизации. Те же из документов, что стали доступными для исследователей, в ряде случаев не вполне достоверны. Их авторы рассматривали драматические эпизоды «великого перелома» под заранее определенным углом зрения и видели кулацкие «происки» и классовую борьбу там, где люди, попавшие в жернова истории, только боролись за свое существование, не преследуя каких-либо политических целей.

Прежде всего они дают возможность оценить степень демократизации СССР, чей политический опыт еще не столь давно предлагался как образец народовластия. Даже в этих, весьма цензурированных документах, перед нами разворачивается впечатляющая картина деградации представительных институтов

⁵⁶² Спецсводка НГО ОГПУ. 2 июня 1927 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3606. Л. 39—43; Спецсводка НГО ОГПУ. 18 июня 1927 г.: Там же. Л. 44—48; Информационное письмо № 1 Боровичского уездного комитета ВКП(б). 21 июля 1927 г.: Там же. Ф. 3534. Л. 4—8. Информация Демянского уездного комитета РКП(б). 4 августа 1927 г.: Там же. Л. 17—17 об.

и тотального попрания демократических норм, что не может скрыть и сильно идеологизированный язык авторов документов. Тасуются списки избирателей, выявляются «подозрительные лица», появляется целая категория «лишенцев» — тех, кто утратил право избирать и быть избранным.⁵⁶³ В документах того времени постоянно встречались сетования на то, что избирательные участки не подготовлены, что избиратели не знают имен кандидатов в депутаты Совета, не хотят голосовать.⁵⁶⁴ Наиболее активными избирателями оказывались даже не бедняки (что следовало ожидать в первую очередь) и, разумеется, не кулаки, которые боялись быть заподозренными в излишней политической активности — это могло повлечь применение к ним репрессивных мер. Самой активной частью избирателей являлись середняки, но и их активность не стоит переоценивать — не зря в документах столь назойливо звучат призывы усилить работу на избирательных участках. Привычными стали оговорки о том, что люди не осведомлены о политических событиях или плохо разбираются в них. И не случайно слышатся упреки в том, что на местах никак не могут определить, кто является кулаком, а кто бедняком или середняком. Едва ли это была только уловка тех, кто хотел избежать чрезмерного налогообложения — зачастую и сами представители власти имели смутное представление о критериях социальной градации в деревне.

Вторая, сразу обращающая на себя внимание деталь советского «демократического» эксперимента — это какая-то тотальная запуганность общества. Сославшись на ОГПУ, можно было ограбить человека. Он боялся проверить, кто у него производил обыск и отнимал ценности — чекисты или обыкновенные преступники. В одном из отчетов подчеркивалось, что даже на партийном собрании «подавали записки оппозиционного характера без подписи» — видимо, у их авторов были веские основания скрывать свое имя. Некий смельчак, рискнувший выступить на собрании с обличительной речью, счел необходимым отметить: «Меня завтра же потащат в ОГПУ».⁵⁶⁵

⁵⁶³ Письмо орготдела Ленинградского облисполкома Боровичскому окружному ВКП(б). 19 марта 1930 г.: Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 529. Л. 2; протокол заседания бюро Уторгошского райкома ВКП(б). 8 апреля 1930 г.: Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 95. Л. 19–29.

⁵⁶⁴ Информационная сводка Новгородского губкома ВКП(б). Январь 1927 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3352. Л. 14–19; Сводка информационно-статистического подотдела Новгородского губкома ВКП(б): Там же. Л. 22–26 об.

⁵⁶⁵ Бюллетень Новгородского окружного отдела ОГПУ. 6 сентября 1929 г.:

Демократия, естественно, не могла привиться там, где общество постоянно держали в мобилизационной готовности, в ожидании военной опасности, интервенции, блокады. Этот мобилизационный синдром подкреплялся неустанной борьбой с вредительством (в чем и видели причину провалов в индустриализации) и схватками с оппозицией. Борьба с инакомыслящими, с «бывшими» и «попутчиками», с троцкистами, бухаринцами и с зиновьевцами, со всеми мнимыми и настоящими врагами власти⁵⁶⁶ — такова лаборатория, в которой выковывались нормы поведения для будущих поколений, и не на годы — на десятилетия. Заметим, кстати, что борьба с коммунистической оппозицией позволяла накапливать особый опыт при проведении политических чисток. Этот опыт обусловил создание нового набора идеологических инструментов, поскольку для борьбы со «своими» требовалась казуистика изощренная, а не традиционные советские догмы, привычно противопоставлявшие нового человека «человеку ветхому». В этой схватке со «своими» повышался порог идеологической «чувствительности». Здесь более внимательно следят за каждым неосторожно сказанным словом, здесь всякий понимает, что уверения в преданности не помогут как прежде и потому старается оправдаться, еще не будучи обвинен. Надо доказать еще и преданность вождям, нельзя сомневаться в правильности избранного верхушкой партии пути. Но и это не всегда помогало. «Пламенный» революционер, обличающий партийный термидор и бюрократию, кажется властям не менее опасным, чем затаившийся враг. На него сразу же навешиваются ярлыки — «уступка мелкобуржуазным вкусам» (в конце 20-х гг.) «подыгрывание классовому врагу» (в начале 30-х гг.), и, наконец, утверждение, что тот кто указывает партии даже с благими намерениями на ее недочеты, сам является классовым врагом (в 1937 г.).

Мы можем обозначить несколько значимых инструментов контроля над поведением общества, которые со временем превратили систему советов, и до того не отличавшуюся осо-
Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 212 об.

⁵⁶⁶ Информация Новгородской губернской контрольной комиссии. 19 апреля 1927 г.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 6—9; Служебная записка уполномоченного ГКК по Старорусскому уезду: Там же. Л. 10; Письмо члена ВКП(б) И. Н. Парамонова. 27 августа 1927 г.: Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—17; Протокол заседания бюро Минецкого районного комитета ВКП(б). 28 октября 1927 г.: Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 64. Л. 810.

бым демократизмом, в подлинно тоталитарный политический феномен. Несоизмеримо усилилось по сравнению с прошлыми годами влияние репрессивных структур ОГПУ НКВД. Они вмешивались во все, интересовались всем.⁵⁶⁷ В поле их зрения находились не только подозрительные поступки и смелые реплики, но и растраты, пьянство и многое другое, далекое от политики. Не случайно на одном из собраний бросили реплику: «Вы только на ОГПУ выезжаете». Имело значение и то, что не была четко определена сфера полномочий ОГПУ и ее нередко устанавливали, исходя из собственных представлений о методах поимки «врагов народа». ОГПУ, например, составляет списки сотрудников с указанием их благонадежности, причем даже и тех из них, которые работают в Новгородской окружной госстрахконторе⁵⁶⁸ — что же говорить о других, более важных для обеспечения государственной безопасности объектах. При этом для компрометации людей используются даже косвенные намеки и мельчайшие детали. Заявление одного из начальников Новгородского окружного отдела ОГПУ о том, что не надо жалеть денег на расширение сети осведомителей, поскольку они «быстро окупятся достигнутыми результатами»⁵⁶⁹ — не оговорка. Эта репрессивная бухгалтерия составляла одну из основ мышления правящей элиты. Эта она делала обыденной и повседневной практикой составление, а затем и выполнение плановых заданий по арестам «врагов народа» — заданий, которые с лихвой перевыполнили в 1937 г.

Одним из инструментов контроля являлась и так называемая борьба с мещанством. Она была упорной и кропотливой, ее вели и партийные, и комсомольские организации, а нередко и те, для кого это являлось не обязанностью, а страстью. Скрупулезно выясняли, кто и как ведет себя в семье, быту, кто не тактичен или груб с подчиненными, кто ругается, кто пьет водку, кто ворует, кто выражает упадочнические взгляды. Контроль за нравственным здоровьем общества в общем-то типичен для любой цивилизации, но в специфических условиях советской системы это превратилось в тотальный и мелочный надзор, по-

⁵⁶⁷ Докладная записка НОО ОГПУ. 23 апреля 1929 г.: Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 189—189 об.; Акт об изъятии книг Н. И. Бухарина и Л. Б. Каменева. 7 февраля 1937 г.: Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

⁵⁶⁸ Справка НОО ОГПУ. 1929 г.: Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 263—265.

⁵⁶⁹ Докладная записка НОО ОГПУ. 22 января 1928 г.: Там же. Л. 1—61 об.

звolyющий улавливать малейший крен в сторону от одобряемых властью привычек и традиций. Другой из инструментов контроля — установление секретности, ограничение каналов любой альтернативной информации. И неудивительно, что на один из военных сборов крестьяне пришли с провизией, считая, что их призвали на войну. О «чистой», беспристрастной информации не было и речи. Почти каждое сообщение в прессе не обходилось без комментариев и оговорок. Да и прессу читали не всегда, и доступна она была не всем. О событиях в стране и о том, как надо их оценивать, крестьяне узнавали нередко лишь во время агитационных кампаний по «проработке» вопросов, будь-то снижение цен, уплата налогов или подписка на заем.

Специфические приметы контроля — его периодичность и регулярность, тотальность, обязательность выявления недостатков даже там, где их трудно обнаружить невооруженным глазом — в этом случае рекомендовалось усилить остроту зрения. Необходимо было пылливо изучать поступки и слова и тех, кто казался лояльным — и искать, искать, искать скрытых и явных врагов, а когда заподозренный молчит, — видеть в этом хитрость, мимирию, за которыми скрывается неприязнь к властям.

Можем ли мы, однако, утверждать, что сближение общества и власти являлось только следствием принуждения, репрессий и насилия. Едва ли. Общество, в первую очередь, само нуждалось в опеке властей. Помощь от них ждали семьи красноармейцев, к которым, если верить ряду документов, не очень-то благоволили крестьяне. Поддержку от властей ожидали и те, кто подлежал увольнению с работы и пытался избежать этого, ссылаясь на свои заслуги в прошлом или пролетарский статус. Еще более в ней нуждались крестьяне-бедняки — а иначе как они могли выжить там, где их презрительно именовали лодырями. И не только органы власти, но и сами крестьяне активно способствовали борьбе с кулаками, нередко первыми проявляя здесь инициативу. Требуется помощь в воспитании детей, в устройстве их в ясли — и тут взоры людей снова обращаются к власти. От нее ждут активного вмешательства в решение всех насущных вопросов, подталкивают ее к тому, чтобы она проводила более жесткую политику. Так постепенно достигается конформизация общества — медленно, но неуклонно. И перенимался, воспроизводился, повторялся в многочисленных житейских ситуациях язык власти. На этом языке говорили даже и тогда,

когда обличали власть. Так, антисталинские выступления включали в себя требования возвратиться к подлинному ленинизму, при этом с горечью говорили о светлой идее социализма, оказавшейся в грязных руках бюрократов. На собраниях, проведенных в 1937 г., многие изоцрялись в обвинениях двурушников и «троцкистско-бухаринских извергов», каялись сами и обличали других. Для них участие в таких собраниях не было, однако, лишь вынужденным шагом, неприятным, но необходимым. Выступали на собраниях истово, с неподдельной страстью, не стеснялись подтасовок и клеветы, выискивали малейшие улики в действиях подозреваемых.⁵⁷⁰ В политические игры вовлекались не только взрослые. Один из публикуемых в сборнике документов красноречиво показывает, как заподозренный в политическом вольномыслии школьник изворачивается и делает это умело, совсем не по детски, находчиво используя язык властей, его штампы, логику и казуистические ходы.⁵⁷¹

Разумеется, нельзя отрицать протестных настроений (наиболее ярко они проявлялись в 1927 г.), но со временем этот протест мельчал, становился непринципиальным. Нарекания на неправильные налоги, недоверие к прессе, жалобы на невнимание к социальным вопросам — и никакой политики. Были, конечно, и выходы из партии, особенно в конце 1920-х—начале 30-х гг. — позже это делать остерегались. Но этой акции трудно приписывать политический смысл, хотя на это порой и намекалось. Пожалуй, не далеки от истины были те, кто видел здесь скорее экономическую подоплеку, то, что тогда называлось «шкурничеством». Общество становилось подлинно «советским». Конечно, энтузиазм эпохи первых пятилеток во многом являлся натужным и заорганизованным (и это видно из сохранившихся в ГАНИНО документов) — но «социалистическое соревнование» стало повседневностью. Конечно, слышался ропот на власть и на бюрократов, но политический подтекст при этом проявлялся крайне слабо. На общественные демонстрации едва ли шли только по принуждению — для многих они являлись ярким праздником, частью досуга. Разумеется, реальность была далека от той сказки, которую хотели сделать былью. Но, наверное, не

⁵⁷⁰ Отчет Боровичского горкома ВКП(б). 20 августа 1936 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 633. Л. 27; Сводка о проведении общих собраний рабочих. 26 августа 1936 г.: Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 803. Л. 1.

⁵⁷¹ Докладная записка отдела школ Чудовского РК ВКП(б). 1937 г.: Там же. Д. 755. Л. 1—2.

зря в мае 1968 г. лозунгом французских левых, являвшихся наследниками русских революционеров – экстремистов, был призыв: «Будьте реалистами – требуйте невозможного».

3.

1941–1945-е годы – одна из самых трагических страниц в многострадальной истории Новгородской земли. Ее жители вместе с миллионами других людей испытали ужасы и страдания, причиненные СССР вторжением войск нацистской Германии. Каждому предстояло сделать свой выбор – и от того, каким он будет, зависела судьба страны. Итог нам известен – там, где крушился камень, не удалось сокрушить человека. За строками публикуемых здесь документов, горьких и обжигающих, порой скупых, порой с наведенным на них «оптимистическим» glanceм, проступает подлинное величие тех, кто своими безмерными страданиями проложил путь к победе – одной на всех.

Патриотический подъем, обнаружившийся повсеместно в первые же дни войны, выявился на Новгородчине в тысячах заявлений с просьбой направить на фронт или зачислить в народное ополчение.⁵⁷² Сообщавшие об этом партийные сводки нередко выдержаны в патетическом духе и это отчасти мешает понять мотивацию тех, для кого такие действия являлись не данью риторике, а будничным делом, следствием осознания опасности, грозившей Родине. Сами заявления различны и по стилю, и по содержанию и по объему.⁵⁷³ Кому-то хватало двух строчек, нередко переписанных почти слово в слово из других подобных заявлений, кто-то сопровождал свою просьбу подробной мотивацией и даже стихами – все зависело от степени эмоциональности человека и от присущего ему уровня культуры. Многие из заявлений не очень грамотны, порой сумбурны – но тем отчетливее выявляется их искренность. Каждый из их авторов пытался найти свое место в рядах тех, кто защищал независимость Родины. Обращались с просьбами записать в Красную

⁵⁷² Докладная записка Новгородского горкома ВКП(б) об откликах населения г. Новгорода на сообщение о нападении Германии на СССР: Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 457. Л. 8–9; Доклад Новгородского горкома ВКП(б) о проведении агитационно-массовой работы в г. Новгороде. 24 мая 1941 г.: Там же. Л. 2–5; Политсводка Боровичского райкома ВКП(б) о проведении мобилизации и увеличении производительности труда рабочих и колхозников: Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 3–3 об.; Информация Новгородского горкома ВКП(б) об откликах населения г. Новгорода на указы Верховного Совета СССР 22 и 26 июня 1941 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 457. Л. 12–15.

⁵⁷³ ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 764. Л. 5; Ф. 260. Оп. 1. Д. 103. Л. 24, 31, 39.

Армию и в народное ополчение, в санитарные дружины и на курсы медсестер. Просили разные люди — от рабочих до уборщиц, от школьниц до инженеров — и разного возраста, даже на шестом десятке лет. В одной из сводок обращалось внимание на то, что мать поддерживала просьбу сына уйти в армию — излишне говорить, что она испытала при этом. На Машиностроительном заводе, например, из 700 работающих 400 передали в партбюро заявления с просьбой о приеме в ряды народного ополчения. Возможно, здесь имели значение не только патриотические настроения и призывы местных коммунистов, но и то, что не хотели казаться менее храбрыми, чем другие, считая недостойным прятаться на глазах тех, кто готов был жертвовать собой. Один из обратившихся в те дни с просьбой отправить на фронт считал даже необходимым указать, что он был ранее исключен из партии — это давало возможность особо подчеркнуть значимость его патриотического поступка.⁵⁷⁴

Нельзя, правда, не сказать и о других случаях — кто-то, испугавшись, намеренно отстал от поезда с ополченцами, кто-то уклонялся от призыва на фронт, ссылаясь на разные причины, кто-то становился дезертиром и прятался в лесах. Документы не позволяют говорить об этом как о массовом явлении. Таких людей преследовали не только власти, к ним неприязненно относились и общество. То, что в своих жалобах в государственные и партийные инстанции члены семей фронтовиков ссылались на награды, полученные последними во время боевых действий, не было только дополнительным аргументом, призванным обеспечить лучше права просителя. Это и реально отражало иерархию ценностей, упрочившуюся в годы войны.

Подчеркнем, что счет, предъявляемый людям оступившимся, вынужденным работать, чтобы получить немецкий паек, был высоким и предельно бескомпромиссным. Горько читать оправдательные заявления комсомольцев, оказавшихся в оккупации и уничтоживших свои билеты. В их судьбах, как в капле воды, отразилась трагедия людей, брошенных во время отступления и всеми силами пытавшихся выжить — несмотря ни на что. Выхода у них не было — одна из женщин, оставшаяся на оккупированной территории, говорила о своем голодном ребенке, которому нельзя было достать молока. Но вердикт в отношении

⁵⁷⁴ Заявление М. Е. Прокофьева. 3 июля 1941 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 764. Л. 7.

таких комсомольцев был один: исключить из рядов ВЛКСМ.⁵⁷⁵ Трудно сказать, являлся ли здесь определяющим традиционный сценарий комсомольских собраний, направляемых сверху, или его участники были вольны в своем выборе — но отметим, что последние видели не только тех, кто стремился выжить, но и тех, нередко самых дорогих и близких для них, кто погиб на фронте, чья жизнь оборвалась в застенках.

В политических сводках июня—июля 1941 г. отмечены и пораженческие настроения; наблюдались они и позднее.⁵⁷⁶ Проявлений их в целом было немного, хотя, возможно, не все рисковали публично высказать свои взгляды. Авторы сводок стремились объяснить мотивы «пораженцев» их бывшим социальным положением и даже национальностью. Подчеркнем, однако, что «пораженческими» настроениями были охвачены и лояльные граждане. Нельзя не отметить и то, что к паникерам и «пораженцам» авторы сводок относили иногда и людей, которые просто передавали непроверенные слухи, что было естественно в условиях тотальной военной цензуры. Усиление бдительности, неизбежное во время войны, делало более придирчивыми оценки информаторов — подозрительными казались даже сдержанность и замкнутость в госпиталях военнослужащих из Прибалтики. Неудачи Красной Армии на первом этапе войны пытались скрыть. Эта была вынужденная и во многом оправданная мера — имелись веские основания на лить воду на мельницу немецкой пропаганды. Ценой за это и стал рост слухов, где сведения об отступлении советских войск и его последствиях приобретали преувеличенный характер. Было бы упрощением считать немногочисленность проявлений «пораженческих» настроений только следствием репрессий и самоцензуры. «Слово звучит в отзывчивой среде» — заметил некогда Чаадаев. Этой «отзывчивости» как раз и не было — была ненависть к чужеземным захватчикам, пришедшим грабить и насиловать, был гнев при виде творимых ими злодеяний.

Война в значительной мере изменила привычный уклад жизни населения Новгородской земли. Значительная часть

⁵⁷⁵ Там же. Ф. 174. Оп. 1. Д. 32. Л. 1—1 об.

⁵⁷⁶ Информационная сводка Боровичского горкома РКП(б) о политическом состоянии населения г. Боровичи. 2 июля. 1941 г.; Там же. Оп. 1. Д. 7474. Л. 19—20; Докладная записка Маловишерского РО НКВД о политических настроениях населения района. 23 марта 1943 г.; Там же. Ф. 112. Оп. 4. Д. 6. Л. 1—2 об.

районов Новгородской земли — Белебелковский, Волотовский, Батецкий, Новгородский, Уторгошский, Старорусский, Молволицкий, Демянский, Чудовский, Залучский, Полавский, Солецкий и др. — была захвачена немецкими войсками летом-осенью 1941 года. Не оккупированные земли Новгородчины стали частью прифронтовой полосы, тылом Северо-Западного и Волховского фронтов. До января 1943 года действия советских войск на этих фронтах не всегда являлись успешными — прорвать немецкую оборону, несмотря на все усилия, тогда не удалось. Всем известна трагедия 2-ой Ударной армии, начавшей неудачное наступление летом 1942 года в районе д.Мясной Бор: почти все солдаты были уничтожены или оказались в плену. Постоянные, длившиеся несколько лет бомбардировки и обстрелы противником наблюдательных пунктов, коммуникаций, складов, мест размещения военных резервов за прифронтовой полосой превратили ее в выжженную землю. Безвозвратно погибли ценнейшие жемчужины древнерусской архитектуры. Многим людям пришлось уехать из родных мест — их деревни и села оказались в зоне военных действий. Делали они это не всегда охотно, что отразилось даже в официальных документах, весьма скурых на описание «негативных явлений». Изучая ход эвакуации на Новгородчине, мы видим, каким она сопровождалась хаосом и сумбуром, как плохо ее организовали.⁵⁷⁷ Жители сели и деревень приходили на сборные пункты с имуществом — и выяснялось, что телег и машин нет, и надо идти пешком со своим немалым скарбом, в том числе немощным старикам и детям. Нельзя было сразу уехать и невозможно было возвратиться к разрушенным родным очагам. Людям, собранным для отправки в глубокий тыл, приходилось раздавать крупу, чтобы дать им возможность подкормиться до прихода транспорта. Шла война и потому тут сложно искать виноватых — но мы должны понять и тех, кто десятки километров нес на плечах свои пожитки. Горьким был этот путь — через пепелища в неизвестность, к незнакомым людям, которые, имея свои заботы, не всегда были рады пришельцам, к чужим, неудобным, необжитым, полуразрушенным домам, к общежитскому быту с его неизменной скученностью жильцов, склаками и безысходной нищетой.

Очень несладко жилось им на новом месте. Не всем уда-

⁵⁷⁷ Записка уполномоченного по проведению эвакуации жителей Поддорского района. 8 июня 1942 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 95. Л. 6.

валось устроиться на предприятиях, заработки в колхозах были низкими, подсобное личное хозяйство восстановить было трудно. Преобладал ручной труд — машин на полях не хватало, работать приходилось и днем и ночью. Тысячи людей владели полуголодное существование и даже молоко доставалось не каждому ребенку. Тяжким испытанием был уход на фронт кормильцев семей. Выдаваемое их родным пособие не являлось значительным, надежд на получение посылок с фронта было мало.

Существенно изменился быт людей. Не случайно в публикуемом сборнике столь широко представлены документы о работе столовых — именно здесь эти бытовые метаморфозы выявились с наибольшей полнотой. Однообразное меню, отсутствие овощей (даже в детских столовых), грязь, воровство заведующих — в голодное время они смогли похитить десятки килограмм масла и крупы — все это стало частью повседневности. И столовыми бытовые неурядицы не ограничивались. Очень плохим было положение тех, кто жил в общежитиях — грязное постельное и носильное белье, рваная обувь и одежда у подростков, отсутствие горячей воды и воды вообще. Администрация предприятий, как правило, не обращала внимания на то, что происходило в общежитиях — другие заботы считались более важными.

Плохими были условия жизни педагогов. Они меньше могли рассчитывать на подсобное хозяйство, многие из них оказались в эвакуации, жили только на мизерный заработок. Их легко было унижить и обидеть — и этим пользовались. Чего стоит хотя бы случай, когда выкинули из комнаты вещи тяжело заболевшей учительницы, сочтя, что ей осталось недолго жить — и вселили туда другого человека.⁵⁷⁸

И полуголод, а порой и голод — это тоже стало приметой времени. Плохим было питание даже в госпиталях. В первые дни войны в Новгороде и других городах возникли очереди за мылом и спичками, чуть позднее — за хлебом (Док. 5, 8, 17). Поначалу это казалось следствием паники (и, видимо, было таковым), но вскоре магазины опустели — подвоз продуктов существенно сократился.

Примечательно, что до введения карточной системы многие еще продолжали скупать дешевый хлеб для корма скота.

⁵⁷⁸ Докладная записка Окуловского районного отдела народного образования. 27 сентября 1944 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 68. Л. 33–33 об.

Здесь уместнее не только говорить об отсутствии чувства ответственности граждан, не упустивших своей выгоды и в дни беды, но и о неумении местных чиновников эффективно распределять ресурсы в чрезвычайных условиях и рассчитывать на несколько шагов вперед. Нормы продовольствия, отпускаемого по «карточкам», являлись скудными, а покупка на рынке была зачастую невозможна из-за дороговизны. Оставалась надежда на льготное снабжение ряда социальных групп, в частности, семей военнослужащих, но и они получали положенные им продукты не всегда и не в полной мере. Так, в одном из документов, составленных в конце ноября 1943 г., отмечалось, что кондитерские изделия, предназначенные для детей фронтовиков, не выдавали с мая.⁵⁷⁹ В конце войны были произведены раздачи т. н. «американских подарков» — продовольственных наборов, присланных из США. Но и эта мера не имела, да и не могла иметь долговременного эффекта. Распределение «подарков», к тому же, вызвало ряд нареканий — многие считали себя обделенными. И здесь мы видим все ту же картину — жаловались, что подарки, предназначенные для бывших партизан, отдавали чиновникам.

Особенно плохими были условия жизни тех, кто вернулся в родные места — как репатриированных из-за рубежа, так и прежде эвакуированных в тыловые районы.⁵⁸⁰ Возвращаться часто было некуда — на месте многих сел и даже городов остались одни пожарища. Репатриированных пытались разместить на предприятиях, но работали они здесь не очень охотно, желая во что бы то ни стало быстрее уехать домой. Там их часто встречали не приветливо. Уцелевших домов было мало, тут в тесноте жили другие, чужие люди, которые тоже не имели иного пристанища. Но пришлось угнанным на чужбину столкнуться не только с этим. Нельзя без возмущения читать документы о том, как обирали их местные чиновники, по-своему трактуя закон о трофейном имуществе как государственном.⁵⁸¹ Без всякого сты-

⁵⁷⁹ Протокол собрания партактива Боровичской городской партийной организации. 23 ноября 1943 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 4. Д. 4. Л. 10–10 об.

⁵⁸⁰ Справка инструктора Новгородского обкома ВКП(б) о недостатках. 6 декабря 1944 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 68. Л. 108–109; Докладная записка председателя Ново-Деревенского сельсовета Чудовского района. 13 декабря 1945 г.: Там же. Оп. 6. Д. 32. Л. 23.

⁵⁸¹ Письмо М. В. Хлусова в Новгородской обком ВКП(б): Там же. Ф. 260. Оп. 2. Д. 105. Л. 102–103 об.; Письмо заместителя начальника УНКВД Новгородской области. 5 июля 1945 г.: Там же. Л. 116.

да они отбирали у людей, которые и без того испытали много страданий, привезенные ими вещи, которые посредством ряда махинаций брали себе — конечно, «по чину».

Трудным было положение и тех, кто возвратился из эвакуации. Им иногда отказывали возвращать закопанные ими прежде вещи, их старались выжить из занимаемых ими домов, где они оказались потому, что прежние их жилища были разрушены. Публикуемые в сборнике тексты писем — жалоб эвакуированных показывают, как трудны были попытки приехавших на «малую родину» отстоять свои права, накормить и обустроить своих детей.

И здесь нельзя не сказать о контроле за соблюдением не только законов, но и не отмеченных в юридических актах этических норм, который осуществлялся государственными и партийными структурами различных уровней и прессой. Разветвленность, дублирование функций, иерархизация и в известной мере автономность их способствовали специфическому «перекрестному» наблюдению над всеми сферами жизни новгородской глубинки и давали шанс тому, кто стал жертвой несправедливости и корысти. Может и не всегда их вмешательство являлось действенным, но в силу сложившегося в СССР политического режима кроме них ждать помощи не у кого было. Именно они во многих случаях могли пресекать произвол местных исполкомов и партийных комитетов. Они, и только они, могли помочь наиболее слабым и обездоленным.

Тот комплекс мероприятий, который традиционно назывался «партийно-массовой работой», проводился, в известной мере инерционно, и в условиях войны. Нельзя сказать, что общество в эти годы оказалось деидеологизированным или что партийные структуры утратили многие рычаги воздействия на массы. В это время устраивались партийные собрания, соборования с членами ВКП(б), самостоятельно изучались коммунистами разделы книги «История ВКП(б). краткий курс». Осуществлялся неусыпный надзор над теми, кто недостаточно изучил историю партии, не был осведомлен о политических событиях и международном положении. Следили за теми, кто не платил членские взносы, во время приема в ВКП(б) указывали кандидатам на недостатки их партийного образования, задавали вопросы о их производственной работе, интересовались, читают ли они газеты, участвуют ли в общественной жизни. Многие

осуществлялось в старых организационных формах и порой, на фоне судьбоносных событий в стране, казалось только имитацией активной деятельности. Возникает вопрос, нужно ли все это было тогда, и не являлись ли такие действия фасадной ширмой, определенной инструкциями вышестоящих инстанций и проявлением дисциплины со стороны местных парторганизаций.

Однозначный ответ дать трудно. Здесь, конечно, было немало рутинного, заорганизованного, ненужного, не учитывавшего того положения, в котором находились люди. Все это так. Но можно взглянуть на это и по иному. В рамках той политической системы, которая укоренилась в СССР, это являлось одним из элементов (хотя и не основным) нормализации общественных отношений, расшатанных военным бытом, упрочения элементарного, хотя и специфического порядка. Посредством подобных ритуалов человека заставляли подчиняться не только идеологическим, но и этическим нормам, поддерживали минимальный, хотя и обусловленной в значительной степени политическими расчетами, уровень культурных навыков.

Добавим к этому, что многие традиционные формы «партийно-массовой работы» в годы войны либо почти исчезли, либо на них не обращалось такого, как прежде, внимания. Прекратился выпуск многих стенных газет, нечасто проводились партийные занятия и рабочие собрания, нерегулярно уплачивались коммунистами членские взносы. Все это вызывало жесткую критику партийных инстанций разного уровня, но глядя на то, как постоянно, из месяца в месяц, фиксировались в партийных отчетах все те же «недостатки», понимаешь, что борьба с ними едва ли была действенной.

Злостью дня было не это, а другое — как выстоять в трудную минуту, как выполнить взятые на себя обязательства, как вырастить и собрать урожай и решить неотложные производственные задачи. Это понимали и партийные, и советские работники — инвективы в адрес тех, кто пренебрегал партийными и общественными обязанностями, в ряде случаев кажутся своеобразной отпиской людей, которых беспокоили совсем другие заботы. «Выполнение патриотического долга» — за этими громкими словами скрывалась будничная и тяжелая работа тех, кто буквально на себе пахал землю, кто свехурочно трудился за ничтожные пайки в плохо отапливаемых помещениях. Крестьяне и рабочие просто делали свое дело — пафосные вы-

ражения для них находили другие. Сводки о трудовом героизме «тружеников тыла» патетичны и однообразны и возникает впечатление, что они писались по одному образцу. Их можно было, после некоторой доработки, отдавать в печать в качестве агитационных материалов. За их строками не всегда видны неминуемо тяжелые условия, в которых жили и трудились полуголодные люди — у станков и на полях. Им полагалось быть бодрыми, оптимистичными, патриотичными. Отчеты, однако, и в таком виде весьма показательны. Отмечалось, например, как люди преклонного возраста, порой семидесятилетние, перевыполняли плановые задания на 20, 30, 50 процентов — и нам нетрудно понять, чего это им стоило.

В отчетах часто приводятся цифры, одни цифры, только оптимистические цифры — но и их достаточно, чтобы оценить неброский героизм тех, кто наравне с другими ковал великую победу. Думали ли они при этом только о своем патриотическом долге, как уверяли пропагандисты, или о том, чтобы больше заработать при ничтожных расценках за трудодни, не так, пожалуй, и важно. Очевидно, имело место и то, и другое. Оценивать необходимо в первую очередь ту стойкость, которую они проявили, преодолевая трудности, то, что во время, когда должны были неминуемо утратиться нравственные ценности, они смогли сохранить их — делясь своими скудными пайками и заработками, нелегко достававшимися им, с близкими им людьми, давая пристанище беженцам, утешая тех, кого постигло горе.

В текстах официальных отчетов, однако, редко можно найти сведения о тех трудностях, которые стали приметой тылового хозяйства в 1941—1945 гг. А они были. Прекратилось рационализаторское движение, утратило прежний размах «социалистическое соревнование», ослабла трудовая дисциплина, участились прогулы. Причины этих трудностей были известны, и их не могли игнорировать и представители властей. Обратим внимание на выступление прокурора Боровичского района на собрании партийно-хозяйственного актива 10 августа 1943 г., затронувшего вопрос о плохой производственной дисциплине.⁵⁸² Оценки его предельно бескомпромиссны — говорилось об отсутствии внимания к тем, кто живет в общежитиях, кто раздет и разут, кому некому помочь. Жесткими являются и его выводы:

⁵⁸² Протокол собрания партийного актива г. Боровичи. 10 августа 1943 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 4. Д. 4. Л. 6—7 об.

за случившееся моральную ответственность несут прежде всего те, кто должен заботиться о быте рабочих — администрация предприятий и учреждений.

Патриотические настроения в годы войны проявлялись и в подписке на государственные займы, денежно-вещевые лотереи, в сборе теплых вещей для военнослужащих и членов их семей. Скажем прямо, многим давалось это нелегко. Были случаи (хотя и немногочисленные) и отказа от подписки на займы. Представителям партийных и советских органов пришлось вести разъяснительную работу с теми, кто уклонялся от участия в займах, и, не будем скрывать, при этом применялись и меры давления. Можно, однако, представить, что такой шаг был труден и для тех, кто без возражений и отсрочек платил взносы. Публикуемые в сборнике ведомости о сборе теплых вещей для военнослужащих и членов их семей показывают, в какой нищете жило тогда местное население. Чашка, ложка, детские распашонки — вот и все, что могли отдать. Сборщикам, обходившим дворы, иногда отказывали даже и в таких вещах, ссылаясь на собственное бедственное положение. Но понимали, что иного выхода не было, что каждый должен был отдавать все, что мог — знали, что другие, на фронте, платили куда более высокую цену.

Война нанесла тяжелейший урон Новгородской земле.⁵⁸³ Десятки тысяч людей погибли или были угнаны на чужбину. Многие города и села были сожжены, разрушены и разграблены. В ряде населенных пунктов уцелели всего 1-2 дома. В Новгороде находилось после освобождения города только несколько сотен человек — почти всем им пришлось жить в землянках. Уходить им было некуда — кругом пепелища, вздыбленная от снарядов земля, минные поля, неубранные трупы. В документах сборника подробно освещены первые шаги, которые осуществлялись в очищенных от оккупантов местностях. Прежде всего восстанавливались коммунально-бытовые учреждения (парикмахерские, ремонтные мастерские, бани), столовые, больницы, магазины, школы, избы-читальни, библиотеки, ремонтировались железные дороги. Уцелевших жителей направляли на различные работы, при этом был запрещен переход из одного селения в другое. Проводились сбор «бесхозного» имущества, сдача населением трофейного оружия.

⁵⁸³ Справка Новгородского горкома ВКП(б) и Новгородского горисполкома: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 72. Л. 22—23 об.

Восстанавливались советские и партийные учреждения, происходила чистка партийных рядов, причем отношение к тем коммунистам, которые остались на оккупированной территории и, более того, утратили свои билеты, было весьма строгим; выявлялись и лица, сотрудничавшие с немцами и участвовавшие в карательных акциях. Население постепенно вовлекалось в политические и производственные кампании, стало приобретать размах «социалистическое соревнование». Предметом особой заботы являлось политическое просвещение тех, кто находился несколько лет под фашистским игом — предполагали, что воздействие нацистской пропаганды не могло пройти для них незамеченным. Агит абота быстро вошла в свою колею — проводились беседы, доклады, лекции, читки, оформлялись витрины с газетами, устраивались показы кинокартин. Жизнь во всех ее измерениях — политическом, социальном, экономическом, идеологическом — воссоздавалась в целом по той же системе координат, теми же средствами и в том же обличье, которые были характерны для довоенного времени.

Таким было начало освобождения от скверны, которую принесла война. Наступало новое время, а с ним и новые заботы. Время надежд, но в значительной мере и суровое время, в чем-то далекое от идиллических представлений о жизни после победы. Время нищеты, которая никуда не ушла, и горечи от невосполнимых утрат, которая оказывалась неизбывной. Почти все приходилось создавать заново — руками все тех же обессиленных войной, потерявших многих родных и близких, полуголодных. Кроме них, делать это было некому. И урок этой общей великой беды как раз и состоял в том, что люди вынесли и это испытание и многие другие — но вынесли не так, как это полагалось делать в составленных пропагандистами образцах героических биографий. Вынесли по своему — со стоном и плачем, напрягая последние силы, в лютой стуже, страдая от голода, пересчитывая последние крохи, работая вместе со стариками и детьми. Все вынесли, не сломались, не сдались, не утратили силы духа.

Жизнь во время войны подчинена особым законам — ее логика причудлива и непредсказуема. То, что нам кажется обусловленным военным временем, не всегда, однако, являлось таковым. Стахановское движение на Новгородчине, например, утратило свой размах в эти годы отнюдь не потому, что не было трудового энтузиазма, хотя его критерии и механизмы

инициации обязательно должны быть уточнены. Энтузиазм стахановцев, отголоски восхищения которым дошли и до наших дней, был обставлен слишком многими опорами — и лучшей зарплатой и первоочередностью в получении сырья, материалов и инструментов, и всенародным почетом и путевками в лучшие дома отдыха. Ничего этого не могло быть в условиях войны — и искусственность, нарочитость такой формы проявления гражданских добродетелей стала очевидной. Энтузиазм тех, кто трудился в тылу, нельзя отрицать. Но он был другим, без помпы, без системы многочисленных поощрений, без тешащих тщеславие местах в президиумах слетов и совещаний. Патетическая риторика в газетах, правда, осталась, но таковы были традиции и в условиях жесточайшей борьбы с врагом все это выглядело оправданно. И так было и со многими другими обычаями, рожденными советской эпохой. Война — это специфический «момент истины». Отмирало все наносное, искусственное, далекое от жизни — отмирало в формах существования, в ритуалах, системах взаимосвязей.

Как ни парадоксально, но «авральный» и мобилизационный характер советской экономики в известной мере облегчил милитаризацию труда в годы войны. Для этого имелись инструменты, навыки, отшлифованные формы воздействия, приемы идеологического оправдания. Наследие «штурмовщины» 1930-х гг. оказалось полезным там, где требовалось максимальное напряжение сил. Огрехи «штурмовщины» очевидны, но недаром противоречия считаются источником развития. Давать этические оценки мерам принуждения, к которым прибегали в это время, конечно можно, но отметим, что речь шла тогда не о строительстве гражданского общества, а о том, чтобы выстоять любой ценой в схватке с сильнейшим и опаснейшим противником.

Но даже и там, где ломались бесчисленные человеческие судьбы, старались сохранять нравственные ориентиры — насколько возможно. Делать это было нелегко. Очень много возникало искушений получить лучший кусок хлеба, оттеснить другого человека, приобрести лучшее жилище, воспользоваться чужим имуществом. Не все, даже и самые стойкие, могли им противостоять — особенно там, где приходилось голодать или жить в землянках. И тогда этические нормы поддерживались гражданским и государственным контролем — нередко и довольно жестко. Никакое общество, однако, не сможет сбересть

моральные ценности, если они не будут признаны большинством ее членов — любой контроль здесь окажется бесполезным. Забота о родных и близких, помощь другим, часто незнакомым, людям — все это просто и естественно, безо всякого принуждения, но с особой силой проявилось в страшные годы испытаний, скрепив куда сильнее, нежели производственные бригады или колхозные «звенья».

Почему же оказалась столь устойчивым общество во время социальной катастрофы, чьей приметой стали нищета, голод, разруха? Может быть, вследствие тотального контроля над поведением масс и применения техники манипулирования ими? Разумеется, органы власти поддерживали должный порядок всеми средствами и в соответствии с присущей им логикой: обессиленных поднимали, провинившихся наказывали, достойных поощряли, неустойчивых наставляли. Но так ли много у них было возможностей, чтобы в одиночку добиться выполнения поставленных целей, даже если они и использовали эффективные техники подчинения большинства меньшинству? Никто не мог заставить изможденного старика идти к станку и было много способов уклониться — а он шел. Да, рабочих призывали к трудовым подвигам, но почему задания перевыполнялись не на 10, а на 50 процентов? Почему делились куском хлеба с голодным — что, у каждой избы стоял контролер?

Война показала способность людей к «общему делу». Не все смогли внести в него ощутимый вклад, но все оказались причастны к нему — потому, что знали, что защищают своих детей, свою землю, свои обычаи. Война показала желание людей противостоять злу. О нем на Новгородчине знали не только из газет и рассказов беженцев — каждый ощущал последствия этого зла на себе, в голоде и в «похоронках». Тогда и выявились лучшие черты нашего народа — стойкость и самопожертвование, сострадание и героизм, готовность поделиться последним со слабыми и беззащитными. Было, конечно, и другое. Не все смогли с честью пережить лихолетье, до конца оставаться человеком. Ко многому мы сейчас относимся по иному, не с такими жесткими, как прежде мерками — но никто не может усомниться в непреходящем по своему значению нравственном подвиге тех, кто оказался в воронке общей народной беды и кому пришлось полностью испытать горькую чашу военных лет.

4.

Многие из документов второй половины 1940–начала 1950-х гг. читать трудно — столь обжигающими, непривычными и жестокими предстают перед нами картины человеческого унижения, горя и нищеты, которые не кончились вместе с войной. Но иного выхода у историка нет. Он должен работать не с весами, помогающими осторожно дозировать «светлое» и «темное», а с зеркалом, которое, даже если оно разбито, все же способно объективно отразить реальность. Эти документы разнообразны. Некоторые из них предельно откровенны. Другие явно ретушируют события 1940–1950-х гг., но и в таком виде они передают частицу правды о драматическом послевоенном десятилетии. Постараемся же оценить и их и то время, когда они были созданы — вчитаемся в эти документы «без гнева и пристрастия».

1946–1956 гг. стали одним из этапных периодов в истории Новгородской земли прошлого столетия. Говоря о возрождении ее в первые годы после окончания войны, всегда приходится делать несколько оговорок. Восстановление хозяйства Новгородской области было крайне медленным, если сравнивать его темпы с теми, которые отмечались в других частях страны. Скудных государственных ресурсов не хватало, чтобы дать необходимые и существенные дотации каждому региону. Нужно было выбирать, что важнее отстраивать — Ленинград или Новгород, ДнепроГЭС или старорусский завод. Сам этот выбор может показаться жестким, но иначе поступать было нельзя. Он препятствовал «распылению» средств и позволял сосредоточиться на стратегически важных объектах для того, чтобы потом поднять из руин всю страну. Приходилось во многом рассчитывать только на себя, а откуда было взять лишние средства в области нечерноземной, бедной ресурсами, не способной саму себя обеспечить хлебом — области, в которой почти города и села были сожжены или лежали в развалинах. Даже в Новгороде дома восстанавливались (или, вернее, заново строились) в значительной мере при помощи слабосильных «шефов» из районов области, за каждым из которых были строго закреплены определенные участки городской территории. В самих же районах строить по-

рой было некому⁵⁸⁴ — так и жили люди в землянках, ютились по несколько семей в одной комнате. Но и такая, нередко принудительная, «концентрация» средств не всегда имела успех. Новгород и к февралю 1956 г. не был приведен в «экскурсионное состояние»,⁵⁸⁵ почти во всех старинных постройках были выбиты стекла. И здесь люди годами не могли перебраться из землянок и подвалов в комнаты со сносными условиями проживания — не хватало строительных материалов, рабочих рук, производственных мощностей.⁵⁸⁶ На судоремонтном заводе семьи рабочих долгое время жили на пароходе, причем с просьбами переместить их «в более благоприятные жилищные условия» они обращались неоднократно.⁵⁸⁷ Устройство общежитий жилищных проблем не решало — и там нередко отмечались неустроенность, грязь, отсутствие водопровода, отсутствие горячей воды, скученность людей, антисанитарные условия.⁵⁸⁸

Повседневная жизнь многих новгородцев была нелегкой. Почти во всех «бытовых» документах отмечается нищета, часто безвыходная, проглядывающая всюду.⁵⁸⁹

Нищета местных властей — не хватает ясель, бань, нет возможности сократить очереди за хлебом, отремонтировать неисправные водопроводные колонки. Очень мало кинотеатров — даже пионеры в своем строго дозированном частушечном приветствии делегатам Областной комсомольской конференции⁵⁹⁰ вынуждены были отметить это. Трудно найти денег для проезда районной спортивной команды до Новгорода, купить для спортсменов бутсы, приобрести кубок для награждения победителей.

Нищета «опекаемых» властями местных жителей — доста-

⁵⁸⁴ Протокол заседания бюро Новгородского обкома ВКП(б). 23 апреля 1949-г.: Там же. Ф. 260. Оп. 6. Д. 22. Л. 232—233.

⁵⁸⁵ Докладная записка Управления КГБ Новгородского обкома КПСС. 29 февраля 1956 г.: Там же. Оп. 13. Д. 95. Л. 158, 159.

⁵⁸⁶ Отчет Новгородского Горкома ВКП(б). Март 1946 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 33. Л. 9—10; Протокол заседания бюро Новгородского обкома ВКП(б). 23 июня 1949 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 6. Л. 113—114.

⁵⁸⁷ Докладная записка заведующего сектором информации Новгородского обкома ВКП(б): Там же. Д. 68. Л. 2.

⁵⁸⁸ Справка УМВД Новгородской области. 29 мая 1953-г.: там же. Ф. 22. Оп. 6. Д. 37. Л. 70—71.

⁵⁸⁹ См., например, спецсообщение Управления МВД по Новгородской области. 8 сентября 1953 г. (Там же. Ф. 260. Оп. 10. Д. 137. Л. 58—61).

⁵⁹⁰ Протокол VII Новгородской областной конференции ВЛКСМ. 12 декабря 1955 г.: Там же. Ф. 2224. Оп. 12. Л. 23—24.

точно прочесть хотя бы спецсообщения УМГБ по Новгородской области 29 января 1953 г.⁵⁹¹ о жизни колхозников и педагогов. «Как вы здесь живете, нет ни трамваев, ни троллейбусов, ни цирка, ни театра», — удивлялся нищете жителей Окуловки даже один из «ответственных работников». Но то же можно было сказать и о всей новгородской глубинке. Другой из жителей области, узнав о поставках хлеба в 1948-г. в Чехословакию, откликнулся на это характерной репликой: «Сначала надо накормить русского Ивана, а потом уж продавать хлеб». Вряд ли эта фраза являлась случайностью. Примечательный эпизод — во время выборов в Верховный совет РСФСР в 1947 г. у одной из избирательниц украли три «хлебные карточки» прямо в помещении для голосования. Бюллетень в урну она опускала плача — а рядом другие избиратели, не стесняясь, публично благодарили партию за постоянную заботу о них, делали «благодарственные» надписи на бюллетенях и, не удовлетворяясь этим, еще бросали и записки в урну для голосования с выражением своих теплых чувств к кандидату в депутаты...

«Заработали 200 трудодней, получили 500 гр. хлеба в месяц, да 1 кг картошки на трудодни... Это не получка, а горе» — такие разговоры среди колхозников фиксировались УМГБ Новгородской области в 1953 г. И все это происходило на фоне широкого обсуждения и одобрения труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где говорилось о поступательном и быстром развитии социалистического народного хозяйства. Спустя три года, в марте 1956 г., на собрании Маловишерского районного партактива мы слышим все те же речи: за 1955 г. колхоз «Красный партизан» не выдал на трудодни ни одного грамма хлеба, колхоз имени Крупской выдал 9 граммов. Больше всего получили те, кто работал в колхозе «Путь к коммунизму» — 72 грамма хлеба за год. Одни граммы, только граммы — таков список «благодеев», дарованных колхозникам на их пути к коммунизму. Немудрено, что в это время повсеместно отмечались попытки председателей колхозов уйти со своих постов — незавидной оказывалась участь «хозяев земли русской».⁵⁹²

Сколько было в свое время сказано хороших слов о реше-

⁵⁹¹ Спецсообщение УМГБ Новгородской области 29 января 1953 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 10. Д. 136. Л. 86—88.

⁵⁹² Справка Управления КГБ по Новгородской области. 20 января 1956 г.: Там же. Оп. 13. Д. 95. Л. 1.

ниях сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Высокую оценку их можно встретить еще в сегодня в исторической литературе — и научной, и популярной. Но вот перед нами трехлетние итоги выполнения этих, как обычно тогда говорили, «исторических постановлений» — крестьяне получают граммы хлеба в год. Да, были подняты закупочные цены на сельхозпродукцию, разрешили продукты, оставшиеся после выполнения государственного заказа, продавать на рынке по коммерческим ценам, списали долги, увеличили парк машинно-тракторных станций (МТС). Почувствовали ли это сколько-нибудь ощутимо простые люди, крестьяне, чье бремя и должны были облегчить? Как показывают приведенные факты, едва ли это спасало их от нищеты. Читая документы о положении в колхозах во времена и Сталина и Хрущева, видишь, как трудно было преодолевать косность и рутину и как быстро и привычным окриком пытались решить сложнейшие задачи. В послевоенной пятилетке государственные приоритеты и требования к колхозникам были обозначены четко и предельно жестко. Главное — выполнение плана любой ценой, в том числе и за счет выкачивания продуктов, необходимых для самих крестьян. Все, что мешает этому, должно было быть вырвано с корнем. В публикуемых документах отражена во всех подробностях борьба с подсобным хозяйством колхозников. Зорко следили, чтобы крестьяне не пасли личный скот на колхозном поле (это называлось «разбазариванием земель»).

В первые годы «оттепели» попытались что-то исправить, сделать жизнь крестьян лучше, и вот тогда то и выяснилось, что не только «верхи», но и «низы» зачастую не способны были ни принять, ни оценить новое. Привычными «стахановскими» методами, характерными для сталинской эпохи, ничего теперь решить было нельзя. Не было для этого ни средств, ни условий — не было Сталина, не могли широко применять (по разным причинам) репрессии, натужным и заорганизованным стал «энтузиазм» рабочих и колхозников с его неизменным атрибутом — социалистическим соревнованием. Ставка на «живое творчество масс» — этот ленинский лозунг цитировался в 1950-е гг. очень часто — была проигрышной. Нищета достигла таких размеров, что никакие поощрения, моральные и материальные, и экономические стимулы (а они не являлись ощутимыми) не могли вытащить сельское хозяйство из той ямы, где

оно оказалась. Патернализм стал своеобразной идеологией и среднего и низшего звеньев управления сельским хозяйством. Не создавать, а просить, не надеяться на себя, а надеяться на других, не самим предлагать рецепты спасения, а ждать указаний вышестоящих инстанций — таким был определяющий код экономического мышления и председателей колхозов, и агрономов, и бригадиров. И дело здесь было не только в лени, зазнайстве, чванстве или других грехах, в которых нередко обвиняли местных руководителей. Стереотипы управления хозяйством отшлифовывались годами, люди, и не читая газет, знали, за какой поступок они будут наказаны. Их так долго приучали быть послушными, что, получив свободу, они восприняли это как бремя.

Насаждение кукурузы в Новгородской области не только выявило ставшую обычной некомпетентность «ответственных работников», но и показало другое. Культивированием кукурузы пытались решить острейшую для села проблемы — нехватку кормов. Спора нет, на нечерноземном Севере эта культура приживалась с трудом, но ведь и выгоды ее были очевидными — не надо было бы кормить скот хлебом, которого не хватало. Увеличение посевных площадей кукурузы требовало здесь совсем иных навыков земледелия, более высоких материальных стимулов, более квалифицированных приемов управления, более высокого уровня контроля и ответственности за выполнение заданий, применения новейших агрохимических средств и уборочных машин, современных систем орошения и просушки, создания особых условий хранения и перевозки. Это был, конечно, куда более тяжкий труд, нежели сеяние овса. Кто бы всем этим мог заниматься, где брать средства, где найти умелых агрономов — на эти вопросы не только не могли, но часто и не хотели давать ответ; показательны попытки местных партийных чиновников игнорировать данное им ЦК указание о том, что они должны «систематически», а не наездом бывать в колхозах.

Публикуемые в сборнике документы показывают, как старались оградить себя от участия в «кукурузной» кампании председатели колхозов еще даже тогда, когда итоги этого эксперимента не были подведены. Да и зачем эти новации тем, кто не освобождался от государственного плана по сбору урожая традиционных для Севера сельскохозяйственных культур. Меньше забот, меньше риска, лучше держаться привычного, лучше по-

смеяться над невежеством тех, кто насаждал кукурузу — как в свое время осмеивали тех, кто принудительно заставлял сеять на том же Севере России произраставший в тепличных условиях Америки картофель. И «отсталый зам» и «растущий пред» (как метко выразился А. Т. Твардовский) — одинаково не хотят они нового, опасного, неудобного, непредсказуемого. Отсюда и жесткий «волюнтаризм» высших инстанций, использовавших все меры давления на руководство колхозов и совхозов — и, как обычно и бывало в таких случаях, неизбежно терялось чувство меры: занесенную в предельном размахе руку нельзя было остановить в одно мгновение.

Многое здесь определялось и спецификой менталитета советского общества. Многолетний каток репрессий ни для кого не проходил бесследно, даже если и удавалось избежать поражения в правах. Разумеется, высказываясь по тому или иному вопросу, люди понимали, что за ними наблюдают — потому достоверность многих спецдонесений УМГБ должна быть оценена особо осторожно.

Информация о массовых настроениях неизбежно являлась и фрагментарной, поскольку часто собиралась во время наиболее значимых политических событий: выборов в местные органы власти, внешнеполитических кризисов, кампаний по разоблачению И. В. Сталина и Л. П. Берии, проведения съездов партии. Именно тогда контроль за населением признавался крайне важным, а самих людей, в соответствии с советской «демократической» традицией, чаще спрашивали об их нуждах, что и отражалось в отчетах. Примечательно, что как раз во время этих кампаний люди активнее, чем обычно, стремились рассказать о своих проблемах. И даже ставили условия своего участия в них, конечно, не политические — учитывая, сколь важно было для властей провести массовые акции, особенно выборы в Верховный совет, «без сучка и задоринки».

Иницилируя общественную активность, государственные структуры должны были решить две задачи. Во-первых, требовалось постоянно совершенствовать систему контроля за настроениями масс, чтобы уловить мельчайшие ростки тех оппозиционных настроений, которые казались угрозой политическому режиму. Помимо сети информаторов, добровольных или по принуждению, привычным инструментом осведомления верхов являлись жалобы, письма, доносы граждан, отчеты различ-

ных комиссий, проверявших работу партийных и государственных органов. Во время предвыборных кампаний сообщения о поведении людей особенно учащались, а в день выборов они составлялись несколько раз, через каждые два-четыре часа. Это была еще одна специфическая особенность советской демократии. Лишенное возможности эффективно решать свои бытовые проблемы «путем взаимной переписки», население в это время получало более эффективно действующие средства общения с властями (пусть и не надолго) и, соответственно, лучшие инструменты удовлетворения своих нужд.

Во-вторых, необходима была не только самокритика, но и критика органов власти, хотя по преимуществу низших. Последнее представляло значительные трудности, поскольку грань между «правильной» и «неправильной» критикой перешагнуть было нетрудно. Канонический образец «правильной» критики был задан выступлениями чиновников, поскольку сама критика инициировалась не только «низами», но и «верхами». Поддержание коммунистического нравственного эталона, во многом основанного на традиционных этических ценностях, являлось обязанностью не только «бойцов идеологического фронта», но и всех «ответственных работников», а это было невозможно без обличения виновных за бытовые неурядицы чиновников. Возник поэтому феномен «управляемой критики». Наиболее отчетливо он выявился в выступлениях масс по поводу тех или иных внешнеполитических событий — например, восстания в ГДР в июне 1953 г. или Суэцкого кризиса в 1956 г. Обвинения трудящихся в адрес провокаторов, реваншистов, империалистов и агрессоров почти дословно совпадали с аргументами советских дипломатических нот, а их порядок (выступления двух-четырех лиц и принятие резолюции) повторял ритуал партийно-хозяйственных активистов тех лет — вплоть до единогласной поддержки курса СССР. Ни в коей мере самостоятельными они, конечно, считаться не могут, и отсутствие тех откликов, где бы обнаруживался живой, разговорный (а не клишированный с обязательным использованием таких выражений, как «клеим позором» и «гневно осуждаем») язык, разумеется, не является случайностью.

«Управляемая критика» сказывалась и в вариантах реагирования на конкретные социально-экономические проблемы, вызывавшие более обостренный интерес жителей Новгород-

ской земли, чем события в далеком Египте. Везде виден один и тот же обряд: сначала выступление секретаря партийного комитета со строго дозированным перечислением достижений и упущений (последних обычно оказывалось меньше), затем прения, где участвовали и давали обещания несколько человек и где столь же строго определялось соотношение светлого и темного. Все, видимо, проконтролировать было нельзя и какая-нибудь скотница, не сведущая в официозном политесе, увлекшись горестным рассказом о свиньях, которых приходилось кормить навозом, могла сказать лишнего, но даже и в таких случаях придерживались оптимистичности в прогнозах.

Критика поощрялась и даже не только потому, что осознавали ее важность для решения насущных проблем, но и оттого, что сама она являлась частью окостеневшего ритуала и ее отсутствие означало нарушение партийной и государственной дисциплины. Критика, являясь обязательной, становилась, однако, и привычной. Инвективы не особенно пугали, а требования искоренить одни и те же недостатки слышали не один год и догадывались, что смогут услышать их и в будущем. Критика была преимущественно осторожной, не придиричивой — импровизации отдельных лиц на комсомольских конференциях общей тенденции изменить не могут. Да и здесь, где предполагался некий юношеский задор, накал обличений оказывался куда менее сильным, чем в перлюстрированных УМГБ Новгородской области письмах педагогов. Они предельно красноречивы в описании и облика «юных строителей коммунизма» и той обстановки, в какой пришлось работать: «глушь и голытьба», «подонки», «попала в ад», «дисциплина ужасная», «работы много и тоска», «пустота беспредельная». Таких слов на конференциях, и партийных и комсомольских, мы не встретим — у всех там есть чувство меры и чувство порядка.

В «управляемой критике» тех лет было мало политических обвинений, характерных для 1930-х гг. — речь идет, разумеется, о тех, которые адресовались низам. Эти обвинения вообще куда-то исчезли после войны или от них отвыкли в те судьбоносные для страны годы. Услышать в свой адрес обвинения в трюклизме, оппозиции, правом уклоне или других политических прегрешениях рядовым коммунистам или комсомольцам на Новгородчине тогда можно было крайне редко — а ведь именно такие ярлыки приклеивались не так давно именно за

бытовые проступки, далекие от политики. При этом критика удивительно сочеталась с каким-то рептильным чинопочтанием. Некоторые при этом утрачивали и чувство меры — как секретарь комсомольской организации областной культпросветшколы осторожно (без указания фамилий), покритиковавший недостатки в работе комсомольских комитетов. После этого он заявил, что посещение школы членами райкома — и, словно спохватившись, добавил: «а также обкома» — для него «майский день, именины сердца». Он явно даже не почувствовал никакой двусмысленности и иронии в этой фразе гоголевского персонажа Манилова.

Ритуал был и одним из инструментов идеологического подчинения масс в послевоенные годы. Агитационно-пропагандистская работа основывалась, как и прежде, на тезисе о единстве советского общества, целиком устремленного в будущее, подверженного общему настрою, с общими мыслями, чувствами, мечтами и целями. Народ, который един, всегда вызывает подозрения: отчетливо видишь в этом патетический миф. И хорошо понимаешь смысл и цену тех усилий, посредством которых стремятся воспитать в нем единомыслие и приучить к однообразию ритуалов. Если детально рассматривать различные формы подчинения, то, действительно, монотонный и заученный обряд представляется одним из эффективных средств приучения к порядку и дисциплине — и политической, и повседневной. Он приобрел особый характер именно вследствие воспитанной режимом несамостоятельности людей в различных сферах их жизни. Везде ощущаешь своеобразные «иждивенческие» настроения, слышишь бесконечные просьбы: «дайте нам», «сделайте для нас», «помогите нам», «разрешите нам». Ритуал представляет порядок решения проблемы — выйдя за его границы, люди не могли ни требовать, ни просить. Ритуал — гарантия преодоления страха за свое будущее — в нем обязательна оптимистичность наставления. Он не только привычка, навязанная извне, но и средство спасения, внутренне ощущаемое многими — беспомощными в распутывании сплетенных жизнью узлов, не привычными к средствам сопротивления, не готовыми к ответственности за свои решения. Вот почему ритуал усвоен и заучен, даже в анекдотических своих проявлениях. Тот случай, когда секретарь первичной комсомольской организации провела собрание, где присутствовал один человек (она сама),

выбрала себя председателем и секретарем собрания, выдвинула себя как кандидата в делегаты на комсомольскую конференцию и провела тайное (!) голосование по своей кандидатуре, в котором участвовала она одна, достоинство стать сюжетом художественного рассказа. Сколь бы абсурдным не казался такой ритуал, но он был соблюден — очевидно, не очень задумывались о его задачах, но твердо знали об ответственности за его невыполнение. В послевоенные годы, как и в прошлом, происходило, однако, усваивание не только внешних форм советского политического обряда, но и его содержания. На вопрос о том, сколь прочно заучивало население официозные мифы и советские идеологемы, насколько глубоко осуществлялась его индоктринация, был ли высоким уровень его «политической грамотности», имелись ли у него общие ценности, однозначного ответа нет. Скажем прямо, когда мы встречаем свидетельства о политических откликах новгородцев, то нам порой трудно понять, были ли они следствием страха или искренним выражением их преданности марксистским идеалам — очевидно, имело место и то, и другое.

Много и тогда и позднее говорилось о значении системы политобразования в воспитании коммунистической убежденности. Но даже беглый взгляд на ее состояние в областном и районных центрах (не говоря уж о Новгородской глубинке) обнаруживает очень низкий уровень обучения. В одной из политшкол лектор на занятии «понятно и интересно изложил материал» от восстания И. Болотникова до... начала революционной деятельности В. И. Ленина. В ее библиотеке насчитывалось всего два учебника — возможно, для тех, кто не успел разобраться за час во всех деталях трехсотлетней истории России. Рутинность политической учебы обнаруживалась во всем. Слушатели политшкол не знали азов истории КПСС, ответы преподавателям строились на догадках. На вопрос о том, призывал ли Ленин к восстанию сразу после победы Февральской революции, отвечали утвердительно — и представить не могли, чтобы «вождь пролетариата» когда-либо мог отговаривать большевиков от участия в восстании. Та же механистичность видна в формулировках тем занятий. Вот название одной из них: «Важнейшее условие победы рабовладельческого строя над мелким крестьянским хозяйством при первобытном строе». Здесь в пору после каждого слова ставить восклицательный знак — но отметим, как четко и недвусмысленно тут проявляются ключевые клише марксист-

ской ортодоксии и язык партийных ориентиров.

Подчеркнем, что эта клишированная речь является для нас едва ли не единственным источником для изучения политических настроений масс — при очевидной самоцензуре писем, дневников и разговоров, когда опасались быть услышанными. Коллективный речитатив при изъяснении своей политической лояльности был обязательной принадлежностью коллективного ритуала. Участники различных конференций и собраний говорят одними и теми же словами. Возникает ощущение, что прочитанные ими с трибуны тексты либо готовились заранее, либо редактировались позднее — вряд ли можно встретить такую степень унификации языка у людей разного возраста, происхождения, образования и культуры. Обществом можно было умело манипулировать еще и потому, что при этом использовалось не только чувство страха наказаний (даже и не испытанных в реальности), но и реанимировались архаические инстинкты и национальные предрассудки населения. Вот почему официальное сообщение о врачах-вредителях в январе 1953 г. стало импульсом для возникновения массовых антисемитских слухов, которые даже в донесении УМГБ Новгородской области (не чуждого по роду своей деятельности борьбе с космополитизмом) назывались провокационными. Скупое правительственное сообщение о врачах своеобразно «доставалось» низами и гиперболизировалось. Услышанному придавался характер бесспорного свидетельства, везде видны элементы утрировки событий. Примечательны здесь разговоры о зубном враче, составившем записку перед уходом из жизни и пообещавшим всем, кому он лечил зубы, медленную смерть. Трудно придумать более эффективную лабораторию для укрепления антисемитских настроений ипохондрически настроенных людей, внимательно размышлявших над каждым неприятным симптомом своего самочувствия, как эти разговоры о том, что «сразу не умрешь, а будешь чахнуть», о заражении «палочками рака» (!), которые подмешивали в порошки...

Результаты манипулирования массами можно оценить и по степени заимствования ими «языка власти». Характерно, что многие обвиняли чиновников в пренебрежении к людям, корыстности, безразличии, некомпетентности при помощи тех же самых блоков официозных штампов, которые употребляли и сами эти чиновники. «Был ли Сталин вредителем?» — спра-

шивал один из присутствовавших на собрании, посвященном разоблачению культа личности. Инвентаризуя собственный запас политических терминов, он смог извлечь из него только эту формулировку — и с подобным явлением мы часто встречаемся и в других случаях. Перенимаются не только отдельные слова — целые системы агитпроповской аргументации. И не только коммунистами — вот такими словами готов оправдывать власти беспартийный навалщик бревен из лезозавода в 1948 г.: «Жить то ничего, с питанием правда, трудновато и поизносились мы основательно — одежки нет, но я понимаю, что все это из-за войны... Надеемся, что скоро будет лучше...». Тот же настрой характеризует и речи его товарищей, и, главное, та же оптимистическая концовка: «Если не уничтожат карточки, то увеличат выдачу хлеба и продуктов».

Можно даже сказать, что в известной мере люди сами составляли сценарий изъятия своей лояльности. Поводом для них, конечно, мог быть страх. Даже в анонимных письмах чувствуешь какую-то скованность, опасение сказать лишнее. Они написаны так, словно их сочинитель готов в эту же минутку оправдать свой поступок или во всяком случае преуменьшить его значение — сам их язык высвечивает скорее лояльность, чем возмущение. Но, кроме страха, было и другое.

Ощутить многомерность и сложность спектакля единения с властями и демонстрации нерушимого блока коммунистов и беспартийных во многом позволяют выборы Верховного Совета РСФСР в Новгороде, где кандидатом в депутаты был выдвинут председатель Новгородисполкома Юдин. Более рептильных публичных поступков, какие обнаружились в этот день, казалось, придумать трудно. Люди собирались у избирательных участков еще задолго до их открытия в 6 часов утра. Все хотели проголосовать первыми и были расстроены, увидев, что их опередили десятки других избирателей. Но и на этом упражнении в политической лояльности не закончились. Люди охотно и громко говорили членам избирательных комиссий, почему они пришли первыми («чтобы хорошо жилось и было много хлеба» — сказала одна из избирательниц), открыто называли свои фамилии и указывали возраст, и, наконец, бросали бюллетень в урны даже и с такими словами: «Милый Юдин, опускаю за тебя свой голос,

трудись на пользу народа». Многим и это показалось недостаточным. На бюллетенях стали писать здравицы в адрес партии и ее руководителей, причем в урну начали опускать и записки такого же содержания. Хотя голосование было тайным, авторы этих здравиц подписывались под ними полным именем. Только на бюллетене, где была зачеркнута фамилия Юдина и сделана надпись: «Дайте хлеба»,⁵⁹³ подписи не обнаружилось. Надписи порой не учитывали окаменевшего канона официозных приветствий («За Сталина. За Юдина. Да. За Вас. Привет Вам, товарищ Юдин»), а иногда являлись даже и политически двусмысленными, хотя об инакомыслии здесь говорить, конечно, не приходится. Так, учащийся одной из школ написал записку: «Благодарю партию и правительство за оказанное мне доверие отдать свой голос за лучшего сына нашей родины». Возникает вопрос, кого он считал таковым — Сталина или Юдина, чья фамилия и была напечатана на бюллетене; задавать вопрос о том, мог ли подросток без подсказки взрослых пользоваться таким языком, кажется излишним.

Кульминацией спектакля стало, впрочем, не это, а голосование столетней Е. Ю. Карповой, одной из первых (!) пришедшей на избирательный участок. «Случайно» в этот момент рядом оказался сам Юдин, и столь же «случайно» у него в руках оказался подарок для Карповой. Для придания законченности спектакля Карпову увезли домой на машине Юдина — привезти ее на той же машине на голосование, видимо, постеснялись, опасаясь, чтобы благопристойная игра не выглядела как комедия. Когда же наконец передали в Горком ВКП(б) подлинные слова, сказанные Карповой у избирательной урны — «Много я голосовала за свою жизнь, но ни одного человека не видела, за кого голосую»⁵⁹⁴ — то тон следующего сообщения горкома,⁵⁹⁵ где фигурирует Карпова, стал куда менее патетичным. Не было не слова сказано и о Юдине, ни о его подарке, ни о том, на чьей же машине уехала домой престарелая избирательница. Едва ли это случайно — слова, сказанные Карповой через 30 лет после победы советской демократии, могли показаться ее самой крас-

⁵⁹³ Информация Новгородского горкома ВКП(б). 11 февраля 1947 г.: там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 68. Л. 16.

⁵⁹⁴ Информация Новгородского горкома ВКП(б). Февраль 1947 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 68. Л. 13—14.

⁵⁹⁵ Информация Новгородского горкома ВКП(б). 9 февраля 1947 г.: Там же. Л. 6—6 об.

норечивой эпитафией.

Легче всего было бы списать этот энтузиазм на голод людей: все знали, что на участках должны работать буфеты и пожалуй все, включая и публично здесь же благодаривших партию за повышение благосостояния трудящихся, понимали, что лучше придти к этому буфету первыми, но в целом меркантильные мотивы, не отчетливо проявлявшиеся в этом спектакле, едва ли стоит оценивать как упрощение. Так, информатор горкома, записавший рассказ кочегара ликеро-водочного завода о том, как он спешил на участок, чтобы первым проголосовать, как был разочарован, узнав, что его обогнали, как он не пойдет в кабину для тайного голосования, чтобы все увидели, как он голосует именно за Юдина, дополнил его следующими словами: «Проживает в тяжелых условиях — в землянке». Была, наверное, надежда, что хотя бы здесь, в эйфории праздника демократии кто-то обратит внимание на его нищету. Он не скрывает ни свою фамилию, ни место своей работы, не стесняется патетично говорить о своей лояльности — только бы помогли. И вряд ли этот кочегар был единственным, кто ждал помощи тут же, на избирательном участке. В одном из бравурных сообщений об итогах выборов говорится о стороже Смирновой, которая заплакала, выйдя в коридор: «Голосовать-то я проголосовала, а дома трое ребят сидят голодные, вынуждена продавать последний кусок хлеба, муж погиб на фронте, а администрация... мне помощи не оказывает». Вот он, живой человеческий голос, прорвавшийся через толщу всех этих здравниц «милому Юдину», не взвинченный пафосной патетикой, прерывающийся, но предельно искренний в рассказе о своей беде.

Сценарии выражения политической лояльности не отличались разнообразием. Типичным является использование превосходных степеней при изъявлении благодарности партии, правительству и лично Сталину. Характерны эмоциональные вкрапления. Обычно они оформлялись стершимися от частого употребления официозными штампами — других слов не знают, а более искренние выглядят панибратскими. В этой коллективной псевдоэйфории выявлялась не только запуганность людей, но и стремление их обрести некую устойчивость, почувствовать себя более защищенными, слившись с массами других людей. Это все то же проявление патернализма — легче подчиниться и ощутить заботу и признательность, чем протестовать и чувство-

вать себя изгоем. Тогда и сможет почувствовать себя человек менее беззащитным, менее одиноким — да и кто бы с усмешкой отнесся к его верноподданническим излияниям в толпе людей, надеявшихся опередить друг друга и проголосовать первым. А при этом возможно учитывалось и остальное — благодарность, которую они смогут заслужить участием в конформистском акте, известность, которую получит их поступок благодаря освещению в прессе, смутная надежда, что это будет должным образом оценено.

Все эти традиции, ритуалы, нормы, обычаи не исчезли в одночасье со смертью Сталина. Демонтаж сталинской системы начался не сразу. Ее осевые конструкции были прочно связаны друг с другом и потому поначалу допускалось лишь осторожное «развинчивание» только некоторых гаек этой конструкции. Оно не являлось последовательным. Смягчались особо жесткие законы, допускались чуть более смелые, чем ранее, попытки критики советских порядков. Более сильным импульсом, определившим быстроту размывания сталинистских опор, стала кампания по разоблачению культа личности. Ее инициировали сверху, после знаменитого доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Кампания проходила по особому ритуалу, который в равной мере являлся и инструментом преодоления сопротивления просталинистски настроенных граждан и мерой контроля за радикалами, требовавших ускорить политические и экономические перемены. Порядок «разоблачения» был таков: зачитывалось полностью или в пересказе (в том числе и в составе отчетных докладов секретарей партийных комитетов) выступление Хрущева и затем выслушивались вопросы присутствовавших на собраниях, которым давался ответ; никаких прений открывать не разрешалось. Один сценарий, одна последовательность ритуальных действий — формы осуждения Сталина были созданы конечно не в 1956 г., и не здесь была впервые опробована механика политической дискредитации. Эта кампания по своим внешним проявлениям кажется словно автоматически перенесенной из предыдущих десятилетий. Но были и отличия, которые необходимо признать весьма существенными.

Отличия эти касались не формы, а содержания кампании. В ней действительно многие участвовали не по «разнорядке», а движимые чувством справедливости, протеста против уни-

жения человеческого достоинства, против гибели безвинных людей. И осмысление феномена сталинизма, и порядок его публичного обсуждения в те годы отчетливо несли на себе отпечаток советской ортодоксии, и интерпретировались в соответствии со схемами марксистских канонов. Важнее было то, что само движение, освобождавшее людей от духовного порабощения, началось — и были бы неисторичными сетования по поводу ее размаха. Об откликах масс на десталинизацию можно догадываться только по кратким вопросам, заданным на собраниях — они обычно отражались в протоколах. В вопросах трудно уловить оценки советского режима. Обычно высказывалось пожелание уточнить те или иные части антисталинского доклада Хрущева или рассказать о них подробнее. Вместе с тем примечательно содержание этих вопросов. Так, спрашивали, почему молчали члены Президиума ЦК КПСС, видя преступления Сталина, почему новое руководство страны так долго не решалось разоблачить Сталина после его смерти, почему материалы о его злодеяниях «преподносятся с опаской, а не открыто в печати», и, наконец, задавали особо опасный вопрос: «Кто из членов ЦК поддерживал Сталина в его действиях». Постоянно обнаруживаешь в этих вопросах стремление найти противоречие в официозных интерпретациях сталинского курса, определить степень вины тех, кто после Сталина стал во главе партийного и государственного руководства. Это был катарсис в подлинном смысле этого слова. Это была, пожалуй, первая школа политического слушания, пусть робкого, но слушания. Может быть, и слишком патетично говорить здесь некрасовскими словами о свободном сердце, спасенном в рабстве — но поведение одного из рабочих, ругавшегося после доклада и заявившего, что не хочет больше смотреть на портрет Сталина, несомненно проявление всего того лучшего, что не удалось полностью подавить в нашем народе — чувства чести, сострадания, неприязни к насилию, стремления достичь более справедливого мира для себя и своих детей.